

ЕЙ НЕ СТОИЛО СОГЛАШАТЬСЯ
НА ЭТУ ПОЕЗДКУ...

18+

ПЯТЬ
АБСОЛЮТНЫХ

НЕЗНАКОМЦЕВ

НАТАЛИ Д. РИЧАРДС

Young Adult. Тебе не спрятаться. Триллеры

Натали Ричардс

Пять абсолютных незнакомцев

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

Ричардс Н. Д.

Пять абсолютных незнакомцев / Н. Д. Ричардс — «Эксмо»,
2020 — (Young Adult. Тебе не спрятаться. Триллеры)

ISBN 978-5-04-177857-6

Поездка домой превратится в настоящий кошмар, с которым не сравнится даже самая опасная снежная буря. Семнадцатилетняя Мира летит домой на Рождество. Она должна поддержать мать, которая тяжело переживает развод. Но из-за сильных снегопадов самолет совершает экстренную посадку в другом городе, все авиарейсы отменены. В аэропорту Мира знакомится со студенткой Харпер, и та предлагает взять в аренду машину, чтобы добраться до Питтсбурга. Но вместе с ними собираются поехать трое незнакомцев: парень со сломанной ногой, неразговорчивая девушка и студент-медик. На первый взгляд, обычные пассажиры, но каждому из них есть что скрывать.

Кто-то из попутчиков Миры отчаянно не хочет, чтобы она вернулась домой. Для фанатов Карен Макманус, Меган Миранды и Наташи Престон.

Напряженный, наполненный саспенсом роман, где под подозрением будет каждый! Слишком медленный разгон в начале и резкий динамичный финал, до которого в живых доберутся не все. Пугающая поездка вам обеспечена!» — Гарри @Ultraviolence_g Натали Д. Ричардс — американская писательница, уроженка штата Огайо. Ее триллеры лишат вас сна до самого утра. Натали ратует за всеобщую грамотность, поддерживает начинающих авторов и часто выступает в школах, библиотеках и писательских кружках. Когда она не пишет книги, то работает в городской библиотеке.

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-177857-6

© Ричардс Н. Д., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Один	7
Два	14
Три	20
Четыре	26
Пять	31
Шесть	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Натали Д. Ричардс

Пять абсолютных незнакомцев

Моим братьям-путешественникам, исследователям вод и пустынь и всего, что лежит между ними

Natalie D. Richards
Five Total Strangers

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2020 by Natalie D. Richards

© Денисова П., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2023

Один

Огни в салоне мигают, и я просыпаюсь, моргая. Шея затекла, во рту пересохло. Над головой что-то гремит – на багажной полке. Турбулентность. Я зеваю, и наушник выпадает у меня из уха как раз в тот момент, как наш самолет резко проваливается в воздушную яму. По салону разносится тихое аханье и обрывки взволнованных разговоров.

Трещит динамик:

– Дамы и господа, до Ньюарка остается около двадцати миль. Как вы могли заметить, погодные условия у нас не самые благоприятные. Посадка предстоит жесткая.

Харпер, моя соседка по креслу, ерзает на сиденье.

– Ну, сейчас начнется истерика.

Я смеюсь. Она абсолютно права: непривычные к полетам пассажиры всегда нервничают, когда пилот упоминает погоду, турбулентность и жесткие посадки. По ту сторону прохода темноглазая женщина с тонкими губами затягивает ремень безопасности так, что больно смотреть. Я представляю, как нарисовала бы ее: сосредоточилась бы на лице и оставила бы остальное размытым. В ее глазах читаются страх и решительность.

Женщина ловит мой взгляд и выразительно смотрит на расстегнутый ремень у меня на бедрах. В ответ я лишь наклоняюсь к иллюминатору, чтобы было лучше видно. Не в пример Невротической Нэнси, меня совсем не пугают скачки самолета. Пока он не рухнет вниз с горящими двигателями, беспокоиться не о чем. Какая разница! Да пусть мы хоть всю дорогу до посадочной полосы проскачем по воздушным кочкам. Главное, добраться домой, к маме. Я невольно вспоминаю руку тети в своей ладони. Тонкая, восковая, в синяках от капельниц. Я бы предпочла стереть эту картину из памяти. У нас с тетей Фиби было много прекрасных воспоминаний. Как мы пекли шоколадные печеньки. Как примеряли шарфы. Как вместе рисовали красками и подбирали сочетания цветов. Теперь эти прекрасные воспоминания размылись; осталось только то, что случилось в прошлом году. Последние дни, что мы провели вместе, вставляли у меня перед глазами точно наяву.

Запах лекарств и хлорки. Скрип моих подошв по больничному линолеуму. Тихие, икающие мамины всхлипы. Стоит мне расслабиться – и я словно возвращаюсь туда снова.

Но маме еще хуже. Мне Фиби была тетей, а маме – сестрой-близняшкой. Однажды мама сказала мне, что это все равно что потерять одно легкое: *«Не думаю, что когда-нибудь смогу дышать полной грудью»*.

Звон металла возвращает меня к реальности. В передней части салона стюардессы медленно провозят тележки, собирая мусор и поднимая откидные столики. Кто-то из пассажиров вступил с ними в спор. Мне не слышно, что он спрашивает, но стюардесса отвечает ему сурово: «Нет, сейчас нельзя доставать багаж с полки. Сэр, простите, это нарушает правила безопасности». Я застегиваю собственную сумку. Стюардессы проходят мимо нашего ряда, улыбочивые и вежливые, несмотря на то что самолет трясет и подкидывает. Харпер аккуратно красит губы. При такой турбулентности я понятия не имею, как она еще не раскрасила себе нос. Чудеса какие-то.

Мне неловко за свои дешевые джинсы: рядом с Харпер, облаченной в белоснежную блузку и шерстяную юбку-карандаш, я кажусь себе последней неряхой. Харпер рассказывала мне про свой университет; значит, мы с ней примерно ровесницы. Однако такого шика мне никогда не достичь.

Самолет снова проваливается вниз, и у меня подводит живот. Крылья со стуком ловят воздушный поток. Я клацаю зубами; стюардесса спотыкается в проходе. Кто-то плачет. Я делаю глубокий вдох и закрываю глаза. Видимо, насчет жесткой посадки пилот не шутил.

Снова включается громкая связь:

– Стюарды и стюардессы, займите свои места.

Харпер заправляет длинную темную прядь за ухо.

– Ну вот, придется и дальше держать стаканчик.

Самолет с грохотом пробирается сквозь облака. Спуск проходит хуже некуда. У меня клацают зубы. Сумки скачут под подлокотниками. Я достаточно часто летаю, чтобы не особенно волноваться, но на всякий случай заглядываю в иллюминатор. Давай, опускайся уже под облака.

На сиденье передо мной женщина все продолжает плакать, и теперь я ее даже отчасти понимаю. Вид у всех напряженный. У всех, кроме Харпер.

– Сколько у тебя времени между рейсами? – спрашивает она, надевая на помаду колпачок и не разливая при этом ни капли своей диетической колы.

– Сорок пять минут, – отвечаю я.

Самолет снова падает и снова поднимается.

– Совсем впоритык.

– В такую погоду переживать не о чем. Все равно все рейсы задержат. – Она широко улыбается. – Так ты подумала о том, что мы обсуждали?

Обычно я всеми силами избегаю самолетной болтовни. Но не успели мы взлететь, как Харпер показала на серебряный браслет, который папа подарил мне два года назад на Рождество. Она с одного взгляда узнала ювелира, и мы разговорились про обработку металлов. Потом разговор перешел на современное искусство, потом на живопись. И тут уж меня было не остановить.

– Мне кажется, я задремала где-то над Оклахомой, – говорю я.

Она смеется.

– Надеюсь, эта метель убедит тебя перевестись в Калифорнию.

– Перевестись?

– Ну да. Может, раньше тебе бы и не хватило среднего балла, но теперь ты учишься на одни пятерки. И талант есть. Я видела твои работы.

– Ну, на телефоне.

– Мне хватило. В твоих картинах есть сила; такое нечасто бывает.

Фиби говорила мне что-то похожее. Что я умею так работать с цветом, что зритель сразу может разглядеть самое важное в моих картинах. Так она убедила меня взять у нее денег и отучиться семестр в страшно дорогом и ужасно престижном университете на другом конце страны. Меня взяли на третий курс, но я вернулась домой сразу, как узнала о болезни Фиби. Возвращаться я не собиралась, особенно теперь, когда за последний курс мне пришлось бы заплатить огромную сумму.

Фиби и слушать об этом не хотела. В один из наших последних разговоров она попыталась убедить меня, чтобы я переехала с концами. Тетя вложила мне в ладонь чек и крепко сжала запястье тонкими пальцами. Она говорила, как ей хочется, чтобы я вернулась и осталась учиться до самого выпуска.

«В твоих работах есть душа, Мира. Ты должна раскрыть свой талант. Это важно».

Не знаю, была ли она права, но спорить с умирающей тетей я не собиралась.

– Хотя ладно, – говорит Харпер, и мои мысли возвращаются к настоящему. – Стоит людям увидеть твои картины, никто и не вспомнит, что ты окончила только училище.

Училище? Я прокручиваю в голове наш разговор. Как я показывала ей фотографии с последней студенческой выставки. Я призналась тогда, что не в восторге от преподавателя живописи. Не знаю, с чего Харпер решила, что я хожу в училище... Так или иначе, перевестись в другой университет я не смогу. Я все еще учусь в школе.

Мне хочется объяснить это Харпер, но зачем... если случайная попутчица в самолете решила, что школьная пытка для меня уже закончена, то какая кому разница!

– Я подумаю, – отвечаю я.

– Да, подумай. Напиши, если захочешь, чтобы я поговорила с Джудом.

Самолет сильно кренится влево, поймав крылом нисходящий поток воздуха. Плачущая женщина взвизгивает, но Харпер лишь вздыхает и просит мой номер телефона. Говорит, отправит мне эсэмэску. Все это время она удерживает в левой руке свой стаканчик.

Сама я летать практически не боюсь, но эта девчонка... такого невозмутимого спокойствия я еще не встречала.

Самолет сильно трясет. Теперь крики раздаются со всех сторон. Харпер фыркает:

– Лучше уж авария, чем весь этот цирк.

Крепко сжимая подлокотник, я выдавливаю из себя улыбку. *«Дорогой Боженька, если ты меня слышишь, пожалуйста, пусть я вырасту такой же, как Харпер».*

– Ну вот. Джуд выпускается в следующем году. Кафедра истории музыки. Развлечение для богатеев, если спросишь меня, но ему и правда повезло. Ты говорила, тебе не очень нравится Эверглен... Я правильно помню? Ты же ходишь в Эверглен?

Я киваю: я и правда учусь в школе Эверглен. Мне несколько неловко, но я ее не перебиваю.

– Думаю, тебе просто нужен колледж получше. Тебе понравится в Университете искусств. Все от него в таком восторге.

– Подожди, а ты сама разве не туда ходишь?

– Нет, я учусь на международных отношениях в Помоне.

– Легкотня ведь, да? – Я ухмыляюсь.

– Была бы легкотня, если бы я не взяла дополнительный курс по востоковедению.

Самолет заваливается на правый бок, выпрямляется, потом падает влево. Люди вокруг меня плачут, и, честно говоря, я сама не припомню худшего приземления за долгую историю моих полетов. Но Харпер продолжает щебетать, уставившись в пространство.

– Не знаю, о чем я думала, – задумчиво произносит она. – Можно, конечно, брать поменьше предметов в семестре, но я люблю сложные задачи.

– Похоже на то.

Она все не замолкает. Как ни в чем не бывало Харпер продолжает вещать про университеты и стипендии, и ее, похоже, совсем не тянет заглянуть в иллюминатор. У нее куча дел и на всякие аварии совершенно нет времени.

Она оказалась права.

Самолет, скрипнув шасси, покатился по посадочной полосе под гром аплодисментов. Что-то у меня внутри расслабляется, и я наконец могу дышать полной грудью. Похоже, я переживала больше, чем мне казалось. Сквозь потрескивание динамиков раздается голос стюардессы. Пассажиры, облегченно смеясь, снимают с полок чемоданы. Когда мы выгружаемся из самолета, я проверяю сообщения. Шесть новых. От Зари, от папы и три от мамы.

Мамины я открываю первыми. Сначала последнее.

Мама: «Напиши, когда приземлитесь. Я на работе, но волнуюсь из-за погоды».

Нахмурившись, я пробегаю пальцем по экрану. Мама наверняка все это время следила за прогнозом погоды не отрываясь. Конечно, я могу преувеличивать. Это не похоже на маму. Но когда я переехала... Да ладно, кого я обманываю. Когда умерла Фиби. Когда умерла Фиби, все изменилось.

– Парень? – предполагает Харпер.

Я мотаю головой.

– Нет, мама. Ну, из-за погоды...

Она тихо смеется:

– А тут еще я со своими материнскими советами насчет универа...

Я фыркаю:

– Уж поверь мне, вы с моей мамой полные противоположности.

Наверно, поэтому мне Харпер и понравилась. Или, по крайней мере, поэтому я хочу быть на нее похожей. Харпер похожа на тетю Фиби, если бы у той был идеальный вкус и богатый опыт путешествий. А вот мама совсем из другого теста: тихая, осторожная. Работает медсестрой в послеоперационных палатах и до смерти боится инфекций и самолетов. А с прошлого года она боится и всего остального на свете.

Может, если бы я осталась с ней, маме не было бы так страшно.

Нет. Хватит себя терзать. Мама хотела, чтобы я поехала. Выписала чек от имени тети Фиби на целые полгода учебы! Папа заплатил за второе полугодие: он был в восторге, что я на какое-то время перееду поближе к нему. Мы все согласились, что так будет лучше для меня.

Но как было бы лучше для нее самой?

Я захожу в аэропорт, и у меня перехватывает дыхание. Все сиденья заняты, от стен тянутся шнуры телефонных зарядок, все углы завалены чемоданами. У стен рядами выстроились сумки и детские коляски. В просветах между ними стоят взъерошенные путешественники: кто-то сжимает в руках телефон, кто-то дремлет стоя.

Я чувствую легкий толчок справа. Повернувшись, вижу Харпер: она проталкивается мимо меня, элегантно катя за собой кожаный чемодан.

– Ты разве не собираешься поговорить? – Я киваю в сторону стойки регистрации, где, похоже, собралось все население Пенсильвании.

– Зачем? Провести канун Рождества в гостинице аэропорта? Нет уж, спасибо. Я возьму машину.

Я тихонько смеюсь: не уверена, что Харпер уже можно водить машину. Да и машин наверняка не осталось. Снаружи ветер намывает редкие снежинки. Если спросите меня, то наш полет вообще не надо отменять. Его и задерживать-то, по сути, незачем. Харпер шагает вперед, сияя уверенностью и клацая каблучками кожаных туфель.

Она останавливается и поворачивается ко мне.

– Поехали со мной. Если хочешь. Подброшу тебя до Питтсбурга.

Ага, конечно. Оптимизм – это, конечно, прекрасно, но его тут явно недостаточно. Я с улыбкой трясую головой.

– Я попытаю удачи в очереди. Нужно разобраться, что мне теперь делать.

– Ну... – Харпер замолкает, словно придумывая аргументы, но потом качает головой. – Напиши мне по поводу университета. И удачной дороги домой!

Она съезжает по эскалатору. Сразу за ней на ступени становятся широкоплечий парень с темными волосами и семейная пара с тремя маленькими детьми. Рядом со мной несколько сотрудников аэропорта ввозят в зал раскладушки. Одна из сотрудниц наблюдает за процессом, приложив к уху рацию. Телеэкраны над головой тоже навевают тоску: показывают прогноз погоды. Огромные мерцающие буквы складываются в слово «ШТОРМЕТЕЛЬ».

Я совсем падаю духом. Можно и не говорить с сотрудниками аэропорта, все и так понятно. Усталые туристы; переплетения зарядок для телефона; спящие под куртками пассажиры. Раскладушки в залах ожидания. Я замечаю указатель «Прибытие и вылеты» на ближайшей стене, но идти туда нет никакого смысла. Тут и без всяких расспросов понятно, что мой рейс на Питтсбург отменили – как и все остальные.

Я не попаду домой.

От этой мысли горло пронзает игла отчаяния. Мне очень нужно домой. Я нужна маме. Я должна ее смешить; должна уговорить смотреть всякую ерунду по телевизору. Я смогу отвлечь ее от мысли, что Фиби умерла под Рождество. Но для этого мне нужно добраться до дома.

Я набираю сообщение, но сразу стираю – и так раз за разом. Нет, не получится: я не знаю, как сообщить маме новости. Что бы я ни написала, она все равно распереживается до полусмерти.

Я сдаюсь и набираю номер моего отчима Дэниела. Дэниел работает бухгалтером, и работа ему очень подходит. Мягкий, спокойный, он – полная противоположность моей нервной и энергичной матери.

Дэниел берет трубку на втором гудке. Как и всегда.

– Мира, – слегка помедлив, произносит он. – Веселого Рождества.

– Ну, Рождество пока еще не наступило, – отвечаю я. – И веселье, честно говоря, тоже. – Пожалуйста, передай маме, что я застряла в аэропорту. Похоже, на всю ночь.

– Ты в аэропорту? Тебе нужна помощь?

– Нет, нет, просто рейс отменили из-за погоды. Даже не знаю, почему: на вид ничего ужасного. Я разберусь, но, похоже, до завтра улететь не получится. Просто передай маме... Ты знаешь, ей сейчас непросто.

– Не уверен, что...

Он как-то неловко замолкает, словно его отвлекли. Может, лапшу варит? Он всегда готовит лапшу на Рождество. Каждый год. Однажды я ее нарисовала: огромные желтые пласты теста, раскатанные тонюсеньким слоем по столу. Центром картины была скалка.

Дэниел покашливает.

– Может, тебе лучше оставить ей сообщение? Ты ей писала?

Я морщусь. Он что, шутит?

– Не, не хочу, чтобы она прочла на работе. Может, попросишь ее позвонить, когда вернется домой?

– Домой?

На сей раз пауза звучит как-то иначе. Ни вздоха, ни шороха.

Когда Дэниел заговаривает снова, в его голосе слышится напряженная печаль.

– Мира, мы с твоей мамой не живем вместе. Она тебе не говорила?

Я прикрываю свободное ухо ладонью. Наверняка я что-то неправильно расслышала.

– А? Что такое?

– Мы с твоей мамой разводимся. Я съехал две недели назад.

Это что, какая-то странная шутка? В моей голове мечутся обрывки вопросов, но я не могу их поймать. Кто-то проталкивается мимо меня с чемоданом, и от удара по колену слова вываливаются у меня изо рта.

– Что... Я не... Разводитесь?

– Мне очень жаль.

Похоже, ему и правда жаль. Но это неважно. Мне снова нечего сказать. Все так внезапно, так странно. Разве... разве хоть что-то предвещало развод? Я прожила с папой в Сан-Диего от силы полтора года, да и то возвращалась домой на шесть недель, когда умерла Фиби. И приезжала на каникулы! Я думала, у них все хорошо. Так мне казалось.

Я делаю шаг вперед, словно что-то меня толкает. Шагаю без цели: мимо зоны прибытия, мимо информационной будки, мимо чемоданов, раскладушек, семей с детьми. Дэниел говорит, что я по-прежнему для него важна – как и мама, разумеется, – и что он не хотел причинить никому боль. Я спускаюсь по эскалатору и бреду по нижнему уровню аэропорта. Вот конвейеры с багажом, вот убегающие в никуда ряды пластиковых стульев...

– Мира? – Туман в моем мозгу пререзает голос Дэниела. – С тобой все хорошо?

Какой до смешного нелепый вопрос. Однако я не смеюсь.

– Я... Это... Мне надо позвонить маме.

– Мне правда очень жаль. Странно, что она тебе не сообщила.

– Да уж. Получается, нас таких двое.

Обменявшись обещаниями не пропадать (я соглашаюсь позвонить, если что-то понадобится), мы вешаем трубку. Да уж, веселого Рождества. Счастливого Нового года. У меня так трясутся руки, что я еле-еле попадаю по кнопке сброса. Я останавливаюсь, чуть не врезавшись

в бетонный столб. Меня мелко потряхивает, словно от электрического разряда: энергия, которая не находит себе выхода. Дэниел уходит от мамы.

Вернее, не так. Дэниел ушел от мамы. И все об этом давно знают – все, кроме меня.

Все в мире идет наперекосяк, но ничего не изменилось.

Пассажиры шагают по коридору. Предупреждения об урагане продолжают высвечиваться на всех экранах. Я перечитываю мамины сообщения за последние три недели: «скучаю по тебе, солнышко», «люблю тебя», «жду не дождусь встречи», «хочу приготовить окорок вместо индейки в этом году, ты не против?» Какого черта она ничего мне не рассказала?

Может, она не смогла. Может, она опять закрылась от всего мира. Так было, когда заболела тетя Фиби. Под самый конец.

Но в тот раз Дэниел был с ней рядом. Варил ей суп, кормил тостами. И я была рядом: держала маму за руку, уговаривала не молчать. Каково ей будет проснуться одной в Рождество? В тот самый праздник, который так много значил для нашей семьи – не из-за подарков, а из-за бесконечного списка рождественских традиций, к которому мы каждый год добавляли новые пункты и над которым вместе смеялись. Маме приходилось отпрашиваться с работы, чтобы успеть покататься на коньках, испечь и разукрасить печенье, погулять по сосновому лесу. Мы были такой потешной троицей!

А теперь нас осталось двое.

Хотя нет... даже это уже не так. Я здесь, а мама там – в полном, тотальном одиночестве.

Я слышу за спиной негромкое постукивание каблуков и оборачиваюсь. Ко мне приближается Харпер, размахивая каким-то предметом. Глаза у нее красные, лицо бледное, но губы расплываются в широкой улыбке.

– Привет, незнакомка. Ну что, передумала?

У нее получилось. Она держит в руке ключи от машины.

– Я думала, машины в аренду сдают только тем, кому исполнилось двадцать пять, – говорю я.

– Если заплатить двойную цену, в паре мест разрешают и тем, кому двадцать один, – говорит она и, нахмурившись, смотрит на экран телефона. Затем решительно убирает мобильник в карман. – Ну что, поедешь с нами?

– С нами?

– Познакомься с моими друзьями. Собратья по несчастью, изгой рейса 3694.

Она кивком указывает себе за спину: там стоят трое ребят примерно ее возраста. Вид у них изможденный и всклокоченный. Уверена, по мне тоже сразу можно понять, что путешествие не задалось. Харпер, однако, свежа как роза. Может, слегка напряжена и нервничает, но держится молодцом.

Она разворачивается, чтобы представить нас друг другу, словно мы на званом обеде, а не в начальной сцене из фильма ужасов, где подростки отправляются в путь через леса.

– Это Джош.

Блондин с сонным взглядом и какой-то травмой (он опирается на костыли, и на колене какая-то ужасного вида скоба). Джош встречается со мной взглядом и слегка кивает.

– Кайла.

Стройная, гибкая девушка машет мне рукой. Волосы у нее блее белого: яркий контраст с моими, цвета воронова крыла. Я вроде бы помню ее с самолета. Она сидела недалеко от меня.

– И Брекен.

Брекен делает шаг вперед, протягивая руку и широко улыбаясь. Может, даже слишком широко, хотя как знать. Может, все университетские парни такие.

Я стягиваю шапку и, запустив пальцы в шевелюру, откидываю волосы с глаз.

Харпер указывает на меня, звякнув браслетами.

– А это – Мира. Мы добросим ее до Питтсбурга вместе с тобой, Брекен. Если она согласится с нами поехать.

Я открываю рот, чтобы возразить. Это все полная нелепость. Не буду я лезть в машину с незнакомыми людьми, тем более в метель. За окном по-прежнему вяло кружится пара снежинок. Ну ладно, может, метель – громко сказано.

Может, не так уж это все и нелепо.

Я нужна маме прямо сейчас. Обычно я на подобное не соглашаюсь, но мне нужно попасть домой. Ради этого я готова на все.

Два

Двери аэропорта с тихим шорохом закрываются у нас за спиной. Воздух снаружи весь пропах выхлопами и бензином. Да еще и холод стоит ужасный. Я готова бежать к первой попавшейся машине, но Харпер придется дожидаться смотрителя, который должен провести для нее инструкцию или что-то вроде того. Судя по длине очереди, дожидаться придется долго.

Оставшись без Харпер, мы вчетвером долго тарачимся друг на друга, пытаюсь понять, стоит ли заводить беседу. Я пытаюсь уговорить себя, что мне предстоит приключение, но вид у нас слишком безрадостный для веселых путников. Вот Кайла: бледная, осунувшаяся, смотрит куда-то в пустоту. Брекен: пуговицы рубашки так и трещат на груди, руки нервно подрагивают. Джош вымученно вздыхает, по-сиротски опираясь на костыли. А я-то сама? Заметно ли другим, что моя вселенная прямо сейчас разлетается на тысячи осколков?

Наконец Брекен бормочет, что ему нужно позвонить маме, и заклятие падает. С видимым облегчением мы все киваем и разбредаемся в разные стороны – кто звонить, кто рыться в сумках.

Я на автомате набираю мамин номер и лишь при звуках автоответчика вспоминаю, что она на работе. Я вешаю трубку, не оставив сообщения. Что я могу ей сказать... Про развод по телефону не расспросишь. И уж точно не собираюсь ей рассказывать, что вместо того, чтобы пережить в аэропорту, я поеду через горы в компании незнакомцев. Ну ладно, мам, что я о себе да о себе... Расскажи мне про свой страшно секретный развод!

Вместо этого я открываю сообщение от Зари. «Когда вы приземляетесь?»

Я набираю ее номер.

До того как нажать кнопку вызова, я позволяю себе крошечный экзистенциальный кризис. С Зари все тоже очень непросто. Сейчас не время вспоминать про болезненный разрыв нашей дружбы, но если пропущу еще один ее концерт, то все усугублю. Зари была против, чтобы я уезжала: это ведь значило, что я пропущу ее прослушивание в Молодежный оркестр Пенсильвании, куда она уже много лет пыталась попасть. В тот год у нее опять не вышло. Меня она в этом не винила, но слово за слово – и мы поругались. Наговорили друг другу лишнего, а потом целую вечность не разговаривали. Прошлым летом мы медленно и осторожно начали общаться снова, и я думала, что окончательно старые раны будут залечены двадцать шестого декабря, когда я приду на ее утренний послепраздничный концерт.

Но похоже, что я туда не попаду. Когда я доберусь домой – а я туда когда-нибудь доберусь, – нам с мамой о многом надо будет поговорить. Конечно, про тетю Фиби, но теперь, когда я знаю про Дэниела... Ох.

Мы с Зари были лучшими подругами с самого детства. Вся эта ссора была страшной глупостью, да и времени уже прошло немало. Но Зари злопамятная... Может, и правда лучше ей не звонить?

Я звоню.

И – черт возьми, Зари, ну зачем! – она берет трубку.

– Черные или серые брюки? – спрашивает она вместо приветствия.

– Серые, – расплывшись в улыбке, отвечаю я.

– Подожди. – Она закрывает динамик рукой и орет на кого-то из братьев.

Я скучала по этому. Мы познакомились, когда нам было по девять и наши матери стали работать в одну смену в больнице. Все эти годы мы словно вели непрекращающийся разговор – стремительный обмен репликами, для которого не нужно было ни приветствий, ни прощаний, ни бессмысленной светской болтовни. Мы просто продолжали с того же места, на котором закончили в прошлый раз. Когда я переехала, длинные паузы в разговоре звучали очень странно.

А потом Фиби заболела раком, и молчания стало больше, чем бесед.

Затем случился пропущенный концерт и ссора. Зари сказала, что я веду себя отстраненно, словно она для меня совсем не важна. Я сказала, что мне важны вещи посерьезнее, чем концерты виолончели и поиски идеального платья на Новый год.

Мы обе были в чем-то правы, и обе повели себя как стервы. Но так уж действуют на людей расстояния. Я не видела ее в школьных коридорах. Мы не наталкивались друг на друга в кофейнях. Наступила тишина, которую прервала пара сообщений следующим летом.

А теперь... Может, наконец мы снова воссоединимся.

Динамик трещит, и Зари пыхтит в трубку:

– Извини. Ты сказала... серые?

– А то.

– Вот и отлично, а то черные мне узковаты.

– Не думаю.

Я твердо намерена продолжать перебрасываться репликами как волейбольным мячом.

– Ну, не знаю, не знаю. Подожди, а ты что, уже прилетела? Я думала, вы позже приземляетесь.

Я вздыхаю.

– Угадай, чей рейс отменили?

– Ого! Полетишь по другому маршруту?

– В аэропорту уже чуть ли не костры разводят, так что вряд ли. Но это даже не самое странное.

– А что самое?

– Ты знала, что мама с Дэниелом разводятся?

– Что? Разводятся?

– Угу.

– Когда? Что, прямо сейчас?

– Нет, прямо две недели назад. Уже развелись. Ну, Дэниел как минимум съехал. Мама тебе что-нибудь про это говорила?

– Нет. Бог его знает почему. – Она шумно вздыхает.

– Какой отстой.

Наступает неловкое молчание.

– Мира, твоя тетя в прошлом году...

– Да, время совсем неподходящее. И она мне ни слова об этом не сказала.

– Похоже, тебе пора домой.

– Абсолютно точно. Меня подбросят студенты, с которыми я познакомилась в самолете. Не совсем верно: познакомилась я только с Харпер, но это неважно.

– Ты поедешь с незнакомыми людьми?

– А что, у меня есть выбор? Но не переживай: нас везет очень милая девушка. Мы целых шесть часов сидели на соседних сиденьях в самолете.

– А остальные?

... Не знаю, но если они друзья Харпер, то я уверена, что все в порядке. Нужно же мне как-то добраться до дома.

– Да, это точно. Ты же не хочешь пропустить второй по важности концерт в моей жизни.

Она явно шутит, и я вымученно смеюсь в ответ. Во мне закипает прежняя обида из-за старой ссоры. Я чувствую, как на том конце провода начинают кровоточить прежние раны. Но все это было так давно! И мы уже обговорили все по телефону в конце лета. Разговор вышел неловким. Мы договорились начать заново на Рождество. Вернуться к старой дружбе.

Она вздыхает.

– Я не хотела...

– Знаю, знаю, – поспешно перебиваю я.

Я останавливаю Зари, потому что мне совсем не хочется об этом говорить. И думать тоже не хочется. Я хочу попасть домой, хочу понять, что за чертовщина творится с моей мамой.

– Слушай. – Меня внезапно осеняет. – А ты можешь поговорить со своей мамой? Спроси, знает ли она что-нибудь про маму с Дэниелом.

– Да, конечно, – говорит Зари. – Эй, Мира? Ты там давай осторожней, хорошо?

– Разумеется.

– Позвони мне с какой-нибудь заправки. Расскажешь, совсем они чудаки или не очень.

– Договорились. – Я смеюсь.

Как только я вешаю трубку, Харпер жестом подзывает нас ближе. Мы следуем за ней на дальний конец парковки. Когда Харпер нажимает на кнопку ключа, элегантный белый джип моргает фарами. Видимо, на нем мы и поедем. Мы ждем, пока Харпер загружает в багажник дорогого вида кожаный чемодан.

– Давай помогу, – говорит Брекен, хватая мой гигантский рюкзак.

Я повожу ноющим плечом.

– Спасибо. Осторожнее: защелка на нем совсем разболталась. Извини.

– Да уж, бывает, – говорит Брекен, хотя по его новеньким, словно купленным только что в аэропорту, черным чемоданам и не скажешь.

Джош с мучительной неловкостью балансирует сначала на одном костыле, потом на другом, чтобы снять сумку через плечо. Я делаю неопределенный жест на случай, если ему понадобится помощь, но он лишь краснеет и начинает двигаться быстрее. Надеюсь, он не решил, что я его подгоняю.

– И тебе разрешили взять в аренду эту машину? – спрашивает Кайла у Харпер.

Брекен держит в руках ее поистрепанную дорожную сумку в цветочек.

Харпер отчаянно набирает сообщение и не поднимает глаза.

– Они разрешат что угодно, если достаточно заплатить.

– Мисс Чанг?

Харпер кидает взгляд на приближающегося зрителя. Он держит в руках массивную черную сумку и мотки серебряной цепи. Это от снега на дорогах. Я выглядываю за стены парковки: там по-прежнему выются снежинки. Падая на землю, они тают. Не похоже, что нам понадобятся цепи на колеса, но у зрителя такой вид, словно конец человечества уже близок. Он объясняет, как обмотать цепи вокруг колес, и показывает на лопату и сигнальные ракеты. Куда, по его мнению, мы собираемся? В северную часть Сибири? Похоже, мужик твердо намерен доставить нас туда в полной сохранности. Вдобавок он так пресмыкается, что мне становится не на шутку любопытно, сколько денег отвалила ему Харпер.

Однако машина выглядит вместительной и надежной. Вдобавок я поеду бесплатно, а значит, надо заткнуться и радоваться.

Брекен кладет мой рюкзак рядом со своими чемоданами и сумкой Кайлы. Он слегка двигает чемодан Харпер. Может, его собственный багаж и хорош, но логотип на чемодане Харпер говорит мне, что она потратила на поклажу больше, чем стоит моя машина. Такая роскошная кожа, такая гладкая медная фурнитура.

Разложив все в наилучшем виде, Брекен делает шаг назад, но Кайла наклоняется над багажником, чтобы засунуть что-то в рюкзак и расставить сумки по своему вкусу. Я наблюдаю, одновременно пытаюсь понять, как бы я ее нарисовала. Кайла похожа на пересвеченную фотографию: белая кожа, блеклые глаза и такие светлые волосы, что в странном свете фонарей парковки они кажутся серебристыми. Когда она поворачивается и ловит мой пристальный взгляд, я быстро улыбаюсь. Надеюсь, по мне не видно, как я смутилась.

– Ты из Сан-Диего? – спрашивает она.

– Вообще-то из Питтсбурга. Мой папа...

Я закашливаюсь. Харпер думает, что я хожу в университет. Если она узнает, что я еще школьница, то, как знать, может, она откажется меня везти. На такой риск я пойти не могу.

– Извини. Я там учусь. А ты?

– Что-то вроде того. – Пожимая плечами, она отводит взгляд.

– А где в Питтсбурге ты живешь? – спрашивает меня Брекен, наконец закрывая багажник.

– Белтцхувер. А ты?

– Эджворт.

Несложно догадаться по его дорогим джинсам и новеньким ботинкам. Однако если Брекен и думает что-то по поводу моего бедного района, по нему этого не скажешь.

– Харпер говорила, ты художница? – еле слышно выдыхает Кайла, взмахивая бледными волосами. – Скульптор или...

Я облегченно выдыхаю.

– В основном занимаюсь живописью. Природа, городские пейзажи.

– Что тебя вдохновляет? – тихо спрашивает Джош.

Я переминаюсь с ноги на ногу, внезапно осознавая, что на меня пристально смотрят два симпатичных взрослых парня. Они ждут ответа.

Хорошо, что мы говорим про искусство. Про него я могу говорить часами. Оно – центр моей вселенной. Я знаю, что вряд ли смогу зарабатывать рисованием, но искусство обязательно должно быть в моей жизни. Может, стану преподавать. Или пойду работать в музей. Или реставратором. Меня не надо вдохновлять на искусство; оно само – главное вдохновение моей жизни. Но я знаю, что Джош ждет другого ответа.

– Больше других на меня повлияли Густав Климт и Джейкоб Лоуренс. Они очень разные, но их картины меня одинаково трогают.

Джош склоняет голову набок.

– Тебя трогают картины? Я думал, художники вдохновляются жизнью, а не другими художниками.

Я смеюсь.

– Ну да, но почти все художники, которых я знаю, вдохновляются более искусными мастерами. Когда мы можем прочувствовать чужую работу, то можем творить и сами. Такие связи – это главное, что есть в мире.

– Связи... – медленно говорит Джош, улыбаясь шире.

Не могу понять: то ли он искренне, то ли дразнит меня, но мне все равно. Я улыбаюсь в ответ и разворачиваюсь к машине.

Для арендованной она вовсе не дурна. Кожаные сиденья, и столько подставок для напитков, что нам всем нужно по три стакана, чтобы заполнить их все. Мы без разговоров загружаемся внутрь. Харпер теребит в руках аптечку, расстегивая и застегивая молнию. Наконец она убирает ее под сиденье. Брекен садится рядом с ней, а Кайла размещается рядом со мной на заднем сиденье. Харпер снова набирает сообщения. Брекен разглядывает маршрут на телефоне. Джош все еще возится со своей сумкой, и я могла бы выбраться из машины и заставить его сесть посередине, но он и так на костылях, зачем терзать его еще сильнее. Когда он садится рядом, ядвигаюсь на сиденье, чтобы ему досталось побольше места.

Так странно ехать куда-то с четверьмя совершенно незнакомыми людьми. Я рада, что Брекен сел спереди. Он нервно стрекочет про обходные маршруты и прогноз погоды. Нагоняет страху, хотя на дороге ни снежинки. Вдобавок Брекен какой-то... напряженный. Может, дело во взгляде. Или в том, как у него дрожат руки. В любом случае я рада, что он не сидит рядом со мной.

Мои соседи по сиденью по сравнению с ним кажутся совсем расслабленными. Кайла прислонилась к окну, словно собираясь вздремнуть, а Джош пытается найти место для своих костылей. Из-за них под ногами практически не остается места.

– Давай помогу, – предлагаю я.

Он оглядывает меня долгим взглядом и неохотно протягивает костыли. Ладненько. Он милый, но немного странноватый. Я кладу костыли один на другой поверх нашего багажа.

– Спасибо, – несколько нервно благодарит меня он.

Может, решил, что я с ним флиртую? Ну и подумаешь. Наверняка в колледже у него есть какая-нибудь выпендренная подружка. Изучает поэзию и феминизм, носит челку и обклеивает ноутбук антикапиталистическими наклейками.

И все же, когда он пытается подвинуть ногу и тихо стонет от боли, я сочувственно морщусь.

– В аэропорту, наверно, несладко пришлось? – спрашиваю я, кивая на коленную скобу.

– Ну... По-разному.

Он хмурится.

– И как ты справился?

– Я провожу социальный эксперимент, – со смешком отвечает он. – Давай, угадай.

– Что угадать? – Я недоуменно наклоняю голову.

– Как думаешь, что случилось с моим коленом?

– Спортивная травма, – ответила Харпер, хотя он спрашивал меня. – И еще, судя по твоему комментарию, ты изучаешь психологию.

А если судить по ее собственному комментарию, они с Джошем явно не друзья. Наверно, она просто из тех популярных девчонок, которые всех знакомых называют друзьями.

– Да нет, какой тут спорт! – возражает Брекен, даже не оглядываясь на Джоша. – Я думаю, на ступеньке поскользнулся.

– Вы оба не правы. Но ваши ответы я запомню на будущее, – с широкой улыбкой говорит Джош. – Мира?

Он явно ждет моего ответа.

– Думаю, на тебя напал бродячий медведь.

– Бродячий медведь... – Он улыбается еще шире. – Пока что это мой самый любимый вариант.

Ну ладно, может, не такой уж он и выпендренный. И довольно смазливый... ну, как смазливый бариста из кофейни. Как и половина парней в модных кофешопах Сан-Диего, он высокий, светловолосый и давно нуждается в стрижке. Его одежду мне почти не видно со своего места, но вот перчатки все в дырах. Пока Харпер крутит руль, выбираясь с парковки, он достает «Превращение» Кафки и красную ручку. Не хватает лишь зерен темной обжарки и мрачного гитариста в углу.

– Ехать придется долго, – тихо говорит Харпер, выезжая на дорожку от гаража.

Брекен елозит на сиденье, оглядывается по сторонам, а потом расправляет плечи, словно решил, что пора сделать важный шаг. Он первым успевает дотянуться до радио и начинает перебирать станции.

– Нужно включить новости. Вдруг сообщат о какой-нибудь аварии. Или что где-нибудь дорогу перекрыли.

– Пока что дороги в полном порядке. Если что, у нас с собой есть все, чтобы попасть домой на Рождество: цепи на колеса и сигнальные ракеты.

Я беру в руки телефон. Как хорошо, что мы поехали. Всего шесть неловких часов в машине с незнакомыми людьми – и я попаду домой, к маме. Все будет хорошо. Мы поговорим. Я поругаю ее за то, что она ничего мне не рассказала. Она мне все объяснит. Мы оставим ссору в прошлом.

– А ты на каком факультете? – спрашивает меня Джош, улыбаясь, точно уже знает ответ.

Я знаю, что это виноват Кафка. Мальчишки из кофеен уверены, что все знают заранее.

– Я пока не выбрала специальность, – быстро отвечаю я, не смутившись собственной лжи. – А ты?

Он пожимает плечами.

– Вообще я учусь на бизнесе, но в последнее время меня интересуют совсем другие вещи.

– Так, предупреждение, – говорит Брекен. – Похоже, надвигается буря.

Я смотрю на электронное табло над шоссе. Огромные мигающие буквы. «ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: МЕТЕЛЬ. 13.00 суббота – 8.00 воскресенье».

Я выглядываю из окон: дороги сухие, порхают мелкие снежинки. Может, снежинок стало больше?

Проверяю часы на табло. 11.28.

Пока что на метель не похоже, но как знать.

Три

Нас впервые заносит на участке дороги, который совсем не выглядит опасным. Ничего серьезного: просто машину чуть повело в сторону. Мы скорее удивились, чем напугались. У меня даже пульс не успел ускориться, как электронный датчик пробуксовки уже взял все под контроль. Асфальт по-прежнему выглядит сухим. Неужели ледяная корка?

Ну или просто попался скользкий пятак.

Я проверяю ремень безопасности. Вроде не разболтался. В самолетах летать безопасно, а вот машины – совсем другое дело. Я провела много времени в этих горах... Не помню, когда в последний раз в Пенсильвании случалась метель, которая не закончилась бы какой-нибудь страшной аварией.

Конечно, не все дороги настолько ужасные. Просто несколько обледенелых участков. Мы едем не спеша; снег теперь падает быстрее, и на лобовом стекле растет слой льда. Никаких запасов омывайки не хватит, чтобы его счистить.

– Черт...

Голос Харпер звучит пискляво и напряженно.

– Черт, ничего не вижу из-за этого льда.

– Давай пересяду за руль, – предлагает Брекен. – Я учился водить на севере штата, так что эта погода для меня пустяки.

– Не, все в порядке. Просто бесит эта наледь.

Я уставилась в окно, предаваясь ленивым размышлениям. Это что, правда метель? А с какой скоростью мы едем? И как дела у мамы? За мной что, кто-то следит?

Я резко выпрямляюсь. Какой странный вопрос пришел мне в голову. Еще удивительнее, что холодок все еще бежит у меня по спине и волоски на руках встали дыбом. Я оглядываюсь: именно так себя чувствуешь, когда за тобой кто-то наблюдает. Но нет, попутчики не обращают на меня никакого внимания. Харпер на переднем сиденье со вздохом нажимает кнопку очистки стекла. Обледенелые дворники медленно волокут по стеклу потоки мутно-мятной жидкости с комочками дорожной соли.

– Нет, совсем плохо видно, – признает Харпер, замедляя ход.

– Просто следуй за машиной впереди, – говорит Брекен. – И, честно, я могу повести вместе тебя.

– Спасибо, не надо, – отвечает Харпер, крепче вцепляясь в руль. – Я шесть месяцев жила с мамой в Китае. Водила машину по трассе Сычуань – Тибет. Сотню раз. Уж как-нибудь справлюсь.

Брекен смеется.

– Сычу... что?

– Сычуань – Тибет. В Китае. Ну, знаешь, есть такая страна в Азии.

Харпер вроде как его поддразнивает, но я замечаю резкие нотки в ее тоне.

– Я знаю, где находится Китай, – тихо говорит Брекен.

– Прости... – Харпер едет еще медленнее. – Просто... просто очень уж бесит это все.

Я достаю телефон. Дорога, видимо, предстоит долгая, и пора уже сообщить родителям, что меня не украли и не увезли в неведомые дали.

Конечно, лучше не сообщать им, что я решила поехать в машине с незнакомыми людьми. Но и игнорировать шесть сообщений, от которых мой карман то и дело вибрирует, тоже не стоит.

Папа: Похоже, погода неважная. Напиши, когда доедешь.

Мама: Пропустила твой звонок, но вижу, что все полеты отменили.

Мама: Позвони мне, когда узнаешь, что происходит.

Папа: Звонила мама по поводу рейсов. Тебе нашли гостиницу?

Мама: Обед закончился, но я позвоню тебе в перерыв. Или ты сама позвони!

Мама: Мира? Почему ты не звонишь?

Значит, она не на обеде. Я могу, конечно, ей написать, но ведь маму это не остановит, она все равно мне позвонит. Если я не скажу ей, что позвоню сама и не назначу время. Но какое время?

Прикусив губу, я набираю сообщение им обоим. Надо написать что-то, достаточно приближенное к истине, чтобы не мучиться чувством вины. Но не настолько правдивое, чтобы мама не вызвала внутренние войска мне на подмогу. Я решительно заносу пальцы над экраном.

Я: Все рейсы отменили, но я нашла попутчиков. Соседка по сиденью из Сан-Диего с семьей живут рядом с Питтсбургом. Они арендовали внедорожник, очень надежный. Мам, я позвоню через несколько минут, когда мы остановимся.

Почти сразу высвечивается облачко с многоточием: мама печатает мне ответ. Разумеется. Год назад она лишилась сестры. Пару недель назад – Дэниела. А теперь ее единственная дочь едет сквозь ураган, который, если верить новостям, был точь-в-точь как тот, что довел до каннибализма партию Доннера¹.

Приходит сообщение.

Мама: С кем ты? Какой это внедорожник? Не нравится мне все это.

Я: Не переживай. Дороги не так уж и занесло. Так, пара снежинок. Скоро позвоню тебе. Скучаю, жду встречи!

Мама: Я тоже. Но погода портится. Пожалуйста, позвони мне.

Машина замедляется. Я поднимаю взгляд от телефона и вижу отсветы тормозных фонарей. Снег уже не тает на шоссе: впереди чернеют следы шин на белом.

– Скоро начнутся пробки, – говорит Брекен.

– Думаю, ты прав, – отвечает Джош, освещенный светом мобильного. – Через десять километров все дороги на карте красные. Похоже, там совсем не проехать.

– Может, дорогу перекрыли? – спрашивает Брекен.

– Может, – говорит Джош, – авария?

– Да дороги не такие уж и плохие, – встречаю я.

– А объехать негде? – спрашивает Харпер. – Не хочу застрять в пробке до утра.

– Надо посмотреть, – отвечает Джош. – Наверно, вся эта краснота означает аварию, да?

– Я посмотрю, куда можно съехать, – вздыхает Харпер.

– Давайте остановимся у заправки? – предлагает Брекен. – Если верить телефону, до нее всего километров восемь, сразу за мостом.

Харпер напряженно приподнимает плечи.

– За мостом? А мост разве не обледенеет?

– Думаю, еще как, – отвечаю я.

Снега совсем немного, но он липкий.

– Не переживай, – говорит Джош. – Мы проследим, чтобы все было в порядке.

¹ Партия Доннера – группа американских пионеров, застрявших зимой 1846–1847 гг. в горах Сьерра-Невада. Выжившие члены группы вынуждены были съесть попутчиков, чтобы не умереть от голода в суровых природных условиях.

Да ладно. Спасибо, конечно, за заботу, но если Джош не умеет управлять магией льда, то, думаю, дорогам будет наплевать на его старания.

– Ого! – внезапно воскликнула Кайла.

Почти всю дорогу она спала, а теперь неожиданно выпрямилась на сиденье и прислонила тонкую руку к стеклу. Она смотрит на что-то на дороге. Наверное, авария? Харпер сбавляет скорость. Брекен шепотом матерится. Мне не видно, на что они смотрят. Я извиваюсь на сиденье, пытаюсь разглядеть, что скрывают снег и запотевшее стекло. Наконец я понимаю. В канаве колесами кверху лежит спортивная машина. Похожая на перевернутую черепаху с лапками в воздухе и обнажившимся брюшком. У меня сводит живот.

Я знаю, что это: в Филадельфии подобное происходит каждый год. Стоит паре снежинок упасть на дорогу, как водители лишаются последних крупиц здравого смысла. Половина машин плетется со скоростью двадцать километров в час, а другая половина петляет между ними, несясь в четыре раза быстрее.

Обычно именно эти шашечники и переворачиваются, но папа всегда говорил мне, что виноваты копуши. Когда мы проезжаем мимо, я замечаю за машиной парня лет двадцати. Ошарашенно уставившись вдаль, он прижимает к уху телефон. Уверена, сегодня он впервые оценил ремни и подушки безопасности.

На обочине припаркована еще одна машина; из нее выходит широкоплечий мужчина и направляется к перевернутой.

– вроде обошлось, – говорит Брекен. – Можем ехать дальше.

– Ну ничего себе...

Кайла широко улыбается мне, и в ее сонном взгляде поблескивает восторг. Меня бросает в дрожь.

– Уфф... – Харпер вздыхает. – Все еще ничего не вижу.

Брекен протягивает руку, словно собираясь взяться за руль.

– Эй, не выезжай за полосу.

– Я не вижу, где моя полоса!

– Это все лобовое стекло. – Джош словно читает мои мысли. – Его совсем залепило.

Он прав: на дворниках вырос слой льда; с каждым взмахом они чистят стекло все хуже. Понятия не имею, как Харпер вообще что-то видит сквозь эти крошечные окошки.

– Попробуй опять омывайку, – говорит Брекен, указывая на кнопку справа от руля.

По стеклу потекла жалкая струйка синей жидкости. Очевидно, лед забился и в брызгалку.

– Черт.

– Попробуй хлопнуть, – предлагаю я. – Ну, знаешь, оттянуть дворник и хлопнуть им по стеклу.

Брекен опускает окно. Внутри моментально становится холодно, как в Арктике. Одетой в перчатку рукой он хватается дворник со своей стороны, отводит назад и резко отпускает. Пластик громко шлепает о стекло, из отверстия брызжет снег, но синяя жидкость так и не появляется.

– Ладно, давай теперь с моей стороны, – говорит Харпер. – Я вообще ничего не вижу.

– Мне не дотянуться до твоего. И с моим дворником все равно не сработало. Нам нужно остановиться.

– Нет, нет, мы справимся. – Харпер опустила свое стекло.

Холодный ветер прорезает мою куртку, словно она сшита из тонкого кружева. Я обхватываю себя руками.

Как Харпер ни изворачивается на сиденье, до дворника ей не дотянуться.

– Нет, не получается.

Брекен качает головой.

– Попробуй еще раз.

– У нее не получится, – спокойно отвечает Джош.

Я бросаю на него яростный взгляд, но он пожимает плечами:

– У нее слишком короткие руки.

Он прав: ей придется встать с сиденья, чтобы достать до дворника. Но зачем он это сказал? Харпер и так вся изнервничалась, и она явно в курсе, что не дотянется.

– Давай остановимся, – говорит Брекен. – Все будет в порядке. Ты сможешь видеть дорогу, и ехать станет проще.

Джош склоняется вперед, натягивая ремень безопасности, и пододвигается к Харпер.

– Он прав. Ты можешь остановиться. У тебя получится.

Тишина.

Джош медленно, неуверенно протягивает руку и слегка хлопает Харпер по плечу. Всего один раз.

– Харпер? Поверь Брекену. Послушайся его, просто делай то, что он скажет. Ты сможешь.

– Да еще бы не смогла, – говорит Брекен. – У нее отлично получается.

– Мне не нужны советы, – нервно отвечает Харпер.

Очень, очень нервно.

Они продолжают ее ободрять, но в их советах столько мужской снисходительности и страха, что я не испытываю ничего, кроме раздражения. Может, намерения у них и хорошие. Постараюсь думать об этом, а то от комментариев в духе «слушайся его советов» мне хочется скрежетать зубами.

– Вот, съезжай сюда, – говорит Брекен.

Харпер кивает и слегка поворачивает руль вправо, пока мы не останавливаемся на обочине. Харпер нажимает на разные кнопки. Зажмурившись, она опускает палец на клавишу омывайки и две соседние.

– Не знаю, как их остановить.

– Ты о чем? – спрашивает Брекен.

– Дворники. Они автоматические. Не знаю, как их отключить, они никак не останавливаются.

Брекен перегибается через свое сиденье и тоже жмет разные кнопки. На панели управления загораются разные огоньки. Сначала включается аварийный сигнал, потом радио. Затем, насколько я поняла, машина пытается отправить бог весть кому сообщение. Все это время дворники продолжают двигаться.

– Я тогда остановлю двигатель.

– Не волнуйся, дворники нам не помешают. Может, даже лучше, что они работают: будут счищать лед, который мы отколем.

Брекен поворачивается и подмигивает пассажирам на заднем сиденье.

– Все под контролем.

– Верю всей душой, – со смехом отвечаю я.

– В тебе я и не сомневался, – ухмыляется Брекен.

Харпер выходит следом за ним наружу. Она когда-то успела сменить туфли на стильные сапоги – впрочем, на льду толку от них вряд ли больше. Она не захлопывает дверь до конца: через каждые пару секунд приятный перезвон колокольчиков уведомляет нас, что с машиной что-то не так.

Снаружи Брекен демонстрирует свое умение чистить лобовые стекла. Харпер наблюдает за ним с суровой сосредоточенностью.

Он оттягивает дворник и отпускает его. Пока дворник описывает дугу по заледеневшему лобовому стеклу, Брекен что-то негромко говорит Харпер. Потом он повторяет свои действия. Все новые и новые слои льда откалываются от дворника, и наконец стекло с одной стороны совсем очищается. Брекен обходит капот. Харпер тем временем хватается за дворник. Она не умеет так хорошо рассчитывать время и оттягивает пластиковый прут как раз в тот момент,

как двигатель пытается протащить его по стеклу. Дворник вырывается из ее пальцев, и, когда он опускается на стекло, Харпер громко вскрикивает.

Ей зажевало рукав куртки. На долю секунды мне кажется, что проблема только в этом. Затем она вырывает руку, и по стеклу расплзается алая капля.

Кровь.

Харпер резко прижимает руку к груди и прячет ее в другой ладони. Брекен подходит к ней. Дворники размазывают крошечную капельку в тонкую уродливую арку. Я морщусь.

– Порезалась?

– Ага, – отвечает Джош. – Наверное, о дворник. У них острые края.

– Правда? Она порезалась? – спрашивает Кайла, склоняясь вперед, чтобы лучше рассмотреть.

Я не обращаю на нее внимания. Если эта девчонка начнет расхваливать японские фильмы ужасов, то пусть Джош сидит посередине.

Снаружи Брекен пытается осмотреть порез Харпер, но она отдергивает руку. Он снимает перчатки и снова тянется к Харпер, как к раненому зверьку. С ее руки на белый капот капает краснота. Джош со вздохом поворачивается на сиденье. Может, испугался вида крови? Нет, что-то ищет в багажнике.

Кайла снова принимается хихикать.

– Что, серьезно? – одергиваю я ее.

Она хмурится, однако я добилась своего: Кайла больше не смеется. У меня под боком Джош расстегивает ремень безопасности и с тихим стоном пытается приподняться.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я.

– Хочу достать чемодан: там у меня есть кое-что от порезов.

– Давай я.

Я расстегиваю ремень и разворачиваюсь, чтобы дотянуться до чемоданов. Ручная кладь у Джоша такая же крепкая и неприметная, как и он сам: огромная темно-синяя сумка через плечо зажата между спинкой нашего сиденья и кожаным чемоданом Харпер. Я пытаюсь выдернуть ее, но Джош хлопает меня по руке.

– Просто расстегни отделение спереди. Возьми оттуда маленькую сумочку.

– Черт, да у нее и правда кровь хлещет.

Наконец-то в голосе Кайлы звучит искреннее беспокойство.

– Спасибо, Мира, – говорит Джош и поворачивается к Кайле. – Ничего страшного не случилось. Пальцы и головы всегда сильно кровят.

– Что я ищу? – спрашиваю я.

– В аптечке должен быть бинт.

– В аптечке? – Я смеюсь. – Ты что, из бойскаутов сбежал?

Он с печальной усмешкой поднимает три пальца вверх:

– Будь готов! Всегда готов.

Как он и сказал, в аптечке и правда лежат бинты. Я достаю пару запечатанных мотков. Раскрывается дверь со стороны водителя, и меня обдает потоком ледяного воздуха. Колокольчики сигнализации дзынькают в такт всхлипам Харпер. Из-за ее плеча появляется голова Брекена.

– Нам нужны салфетки.

– Вот, бери. – Я передаю ему бинты и пластырь.

На руке у него ярко выступают красные брызги. Ужасно, невероятно красные – а может, мне просто так кажется, потому что и Харпер, и Брекен очень бледны.

Они поворачиваются боком, и я больше не вижу их рук. Опять звенят колокольчики. Тихий голос Брекена. Жалобное хныканье Харпер. Я перевожу взгляд на лобовое стекло. Дворники уже почти смыли кровь, оставив лишь бледный алый подтек в самом углу.

- Перевяжите потуже, – говорит Джош.
- Как она? – спрашиваю я.
- Да вроде...

Брекен обрывает себя на полуслове.

Дальше все происходит за секунды. Нас ослепляет свет фар. Луч бьет не из-за спины, не с другой стороны дороги. Я чувствую опасность еще до того, как вижу машину, что несется перпендикулярно дорожной разметке. Не в силах вздохнуть, я наблюдаю, как «Форд Мустанг» пересекает засыпанную снегом разделительную полосу и подкатывается все ближе. Он в нас врежется. Кто-то кричит. Звенит идиотский колокольчик. Харпер и Брекен ныряют на переднее сиденье головами вперед. Но я застыла, как осколки льда, которые Брекен стряхивал с дворников, и беспомощно наблюдаю, как заднюю часть «Мустанга» заносит влево. Машину страшно шатает, она вращается на льду, но продолжает двигаться на нас. Она точно с нами столкнется. Воображение рисует яркими, крупными мазками: вот ноги Брекена и Харпера, зажатые между белой кожей сиденья и широким металлическим бампером. Вот тогда крови будет хоть залейся.

Я закрываю глаза, ожидая. Сейчас ударит.

26 декабря

Мира,

знаешь ли ты, что твое имя значит «чудо»? Я посмотрел после нашей встречи. Но даже если бы оно значило что-то другое, в тот момент я знал, что вижу нечто чудесное. Думаю, ты и правда настоящее чудо. Живое доказательство, что Вселенная милосердна и поступает правильно.

Тогда, в кофейне при больнице, я подумал, что обречен на еще один день бесконечного ожидания в очереди, чтобы купить слишком дорогой кофе, и буду вынужден слушать сплетни медсестер. Но оказалось, все это было не напрасно. Ты ведь веришь в судьбу? Впрочем, зачем я вообще спрашиваю? Уверен, что веришь: мы точно почувствовали эту связь. Я ощутил ее, когда наши глаза встретились. А может, ты поняла еще раньше, услышав мой голос? Я предложил заплатить за твой кофе.

Ты была такой печальной. Красные, заплаканные глаза и скомканный бумажный платочек в руке. Кассирша трижды спросила, как ты собираешься платить, прежде чем ты поняла, что она обращается к тебе. Ты ощупала пустые карманы.

Дорогая, какой это был пустяк – заплатить за твой кофе!

Я бы заплатил за целый мир. Однако ты восприняла эту мелочь как самый драгоценный подарок в мире. От благодарных слез в твоих прекрасных темных глазах я почувствовал себя ангелом на земле.

Думаю, судьба нарочно свела нас в месте, где начинаются и заканчиваются жизни. Все это происходит так стремительно, правда? Вот я просто плыву по течению, а вот появляешься ты. Как солнце, выглянувшее после долгого дождя.

Я никогда не забуду ни секунды из того дня, Мира.

И тебе тоже не дам забыть.

Всегда твой...

Четыре

Вместо ожидаемого треска сквозь шум в ушах проступают тихие всхлипы Харпер. Кайла совсем затихла. Джош шумно дышит. Сердце у меня бешено колотится, и его стук прерывается медленными, ровными вздохами Харпер. Я открываю глаза. «Мустанг» прижался к бетонной перегородке между полосами. Похоже, он даже не сильно пострадал.

И мы тоже.

Мы тоже.

– Все в порядке, – словно повторяя мои мысли, произносит Брекен.

«Все в порядке, все в порядке», – твердит он, словно успокаивая напуганного ребенка. Похоже, он уверен в том, что говорит. Затем Брекен глубоко вздыхает.

– Мы в безопасности. Все закончилось.

Я сглатываю ком в горле. Меня трясет. Может, пока что мы и в безопасности, но ехать еще долго. И этот ад абсолютно точно не закончился.

После происшествия с «Мустангом» все меняется. Сложно шутить над ситуацией после того, что случилось. Брекен подходит к водителю другой машины – тот в порядке – и потом проверяет палец Харпер.

Кровь остановилась, и порез выглядит не так уж и ужасно. Мы возвращаемся на свои места, пристегиваем ремни и застегиваем сумки. Харпер полупшепотом просит Брекена пересесть за руль. Он соглашается.

Больше никто не говорит, что на дороге не опасно. Достаточно опасно, раз Харпер с Брекеном чуть не погибли.

Не знаю, на что похоже ощущение от столкновения с машиной. Однако теперь у меня не выходит из головы один образ: Харпер и Брекен ныряют на водительское сиденье. И еще я не могу отделаться от ужасного, липкого чувства, словно кто-то стоит за моей спиной. Абсолютная чушь. Я не иду в одиночестве по темной улице; я еду в машине с четырьмя людьми, и никто из них на меня даже не смотрит.

И все же впервые со времени, когда я загрузилась на борт самолета до Сан-Диего, мне страшно.

По счастью, несколько следующих минут проходят в блаженной тишине. Никто не говорит, не играет музыка.

Харпер достает дорогого вида блокнот, роскошную ручку и начинает писать, неловко удерживая бумагу в раненой руке. Джош опять читает: на сей раз он открывает Пруста, все так же нахмутив лоб и пробегая пальцем по строкам, словно старательный ученик, пытающийся запомнить каждое слово.

Кайла прислоняется к стеклу и тихо похрапывает.

Брекен выезжает на шоссе.

Харпер погружена в дневник. Джош то и дело подчеркивает параграфы в книге. Кайла негромко постанывает: наверно, снятся кошмары. Только мы с Брекеном сидим, уставившись на дорогу. Тихо поскрипывая, мельтешат перед глазами дворники.

Машин становится больше: пять километров до следующего съезда мы преодолеваем за пятнадцать минут. Тут не то чтобы настоящее место для отдыха, но Брекен все равно съезжает с дороги. Простенькая остановка; на вершине невысокого холма стоит дом с темными окнами. От парковки к нему ведут две дорожки; справа виднеются заснеженные столы для пикников. Мы проезжаем первую секцию парковки для тракторов и фургонов. Наша секция совершенно пуста. Брекен паркуется, и Харпер, закрыв блокнот, проверяет телефон. Часы на приборной панели показывают 13.08. Отлично. Уже половина дня прошла, а мы вряд ли отъехали от аэропорта больше чем на сто двадцать километров. Надеюсь, дальше мы поедем быстрее.

- Думаю, нам всем надо сходить, – объявляет Харпер. – Я имею в виду в туалет.
- Спасибо, мамочка, – говорит Кайла.
- Не дерзи, – говорит Брекен, и по его усталому тону я бы не сказала, что он шутит.
- Все в порядке? – спрашивает Харпер.

Она смотрит на меня, и я оглядываюсь по сторонам. Однако она не сводит с меня взгляда. Харпер обращается ко мне одной. И все остальные тоже уставились на меня, словно нет ничего легче, чем ответить на этот банальный вопрос.

Я издаю неловкий смешок.

– Я ничего...

Я оглядываюсь на попутчиков.

– А что, вид у меня неважный?

– Нет – нет, – отвечает Харпер. – Просто ты так притихла.

Я снова оборачиваюсь, но все уже уставились в телефоны, проверяют сумки и собираются в туалет. Словно они только что не смотрели на меня во все глаза – а ведь я знаю, что смотрели. Мне не показалось.

Перестань. Хватит параноить.

Джош поворачивается, разыскивая костыли, и меня почему-то передергивает. Надо срочно выбраться из этой машины, а то потом не получится поговорить с мамой наедине. Мне хочется перебраться через Джоша или Кайлу, которые оба копаются в своих вещах. Однако воспитание и милосердие побеждают: надо помочь тому, кому нужна помощь.

– Я достану, – говорю я Джошу.

Развернувшись к багажнику, я кое-как вытаскиваю его костыли из-под сумок. И раз уж я вспомнила о манерах, то спрашиваю его, не нужно ли ему что-нибудь еще. А потом спрашиваю Харпер, как поживает ее палец. Да что там, я даже у Брекена спрашиваю, не надо ли чем-нибудь помочь.

Вскоре мы все выходим из машины, однако я оказываюсь на дорожке первой. Я не спешу: день стоит блаженно тихий и спокойный. Так хорошо перестать толкаться боками о незнакомцев. Здесь только я и холодный, свежий, ароматный воздух. Я делаю глубокий вдох и думаю, что хорошо было бы очутиться здесь с мамой. Она любит зиму. Раньше она каждое утро заставляла Дэниела выходить на прогулку. Теперь она гуляет одна. Уже пару недель гуляет одна. А если у них начались проблемы еще раньше, то ее одиночество длится дольше. Где-то внутри у меня просыпается глухая боль. Я должна быть дома, с мамой. Зачем я поверила ее словам, что с ней все будет хорошо? После смерти Фиби ей вовсе не было хорошо; она была слишком раздавлена, чтобы ей было хорошо.

Но Фиби перед самой смертью умоляла меня вернуться на учебу.

Я открываю дверь в здание и словно попадаю в антиутопию. На кафельном полу во все стороны расходятся тропинки грязных следов, эти призраки исчезнувших путешественников. Недавно тут царило полное столпотворение, но теперь здание стояло пустое и затихшее.

Здесь были все типичные приметы дорожной остановки: огромная карта на стене между двумя входами в туалет, пробковая доска с объявлениями и правилами движения на дороге. Я прохожу мимо темной ниши с торговым автоматом. Дальше стоит многоуровневый стеллаж с туристическими брошюрами: вот рафтинг, вот зиплайн. Все обложки яркие, летние: резкий контраст с мрачной серостью за окном. Однако если вход в здание показался мне унылым, туалет оказался еще хуже. Бледно-желтые стены и темно-коричневый кафель придают длинному помещению желтушный вид. За пустынным рядом раковин у дальней стены выстроились бежевые туалетные кабинки. Одна-единственная флуоресцентная лампочка мигает над второй раковиной, и от ее ритмичного мерцания у меня сводит зубы.

Меня охватывает то же чувство, что и в машине, однако сейчас оно более уместно: вряд ли кто-то может зайти в этот туалет и не забеспокоиться, что в одной из кабинок притаился маньяк.

Но никогда не знаешь, когда в следующий раз выдастся возможность сходить в туалет. Я решительно шагаю дальше, с усилием оторвав взгляд от мигающего огонька и знакомого темного отражения в зеркалах. Даже закрыв за собой дверь кабинки, я чувствую себя до странного уязвимой, будто я у всех на виду. На моих руках проступают мурашки.

Я быстро заканчиваю дела. Громкий звук смыва приглушает нервный звон в ушах. Успокаивает и удивительно теплая вода из крана. Я качаю головой своему отражению. Видимо, хватит смотреть ужасики. Обычно-то я непробиваемая, как отец.

А вот мама уверена, что меня могут похитить в любую секунду. Конечно, она бы сама над этим посмеялась, но в этом туалете ей бы точно стало не по себе.

Когда-то давно мама часто смеялась.

Выйдя из туалета, я осторожно бреду обратно по грязному мокрому полу. Пока что я в здании одна, но к дверям уже подходит Джош. Я толкаю дверь и держу ее, распахнув пошире, чтобы хватило места его костылям.

– Осторожно, тут скользко. – Я жестом показываю на пол.

Он кивает, не глядя на меня.

– Мы что, тут одни?

– Ага. Знаю, жуть та еще. А где остальные?

– Проверяют прогноз погоды и смотрят, что там есть в аварийном наборе. Брекен хочет надеть на колеса цепи.

Я хмурюсь.

– Но ведь нельзя же. Снега явно недостаточно.

– Да, я попытался ему объяснить.

Мне что, слышались нотки высокомерия в голосе Джоша? Нет, похоже, так и есть. Он не дожидается моего ответа и медленно направляется к туалету. Да, точно не показалось. Он симпатичный, но не настолько, чтобы быть такой занозой в заднице. Я выглядываю из окна, из которого видно нашу машину. Харпер, Брекен и Кайла стоят у раскрытого багажника. Я еще не готова выходить обратно на холод, поэтому звоню маме. Она тут же берет трубку: явно дожидалась моего звонка.

– Мира... – Мама замолкает, назвав меня по имени, словно хочет скрыть тревогу. – Я так рада, что ты позвонила. Ты где?

– На остановке, – с наигранной бодростью говорю я. – С Рождеством тебя!

– С Рождеством, солнышко. А где именно эта остановка?

Я смеюсь, но смешок выходит сдавленным и натужным. Мама нервничает и грустит. Наверное, смотрит на карту Пенсильвании, размышляя, как спасти меня от ужасной злой метели. Мне так жаль, что я заставляю ее переживать. Я не хочу, чтобы мама волновалась. Хочется показать ей свои последние работы – ведь я много экспериментировала со светотенью – и пить вместе горячий шоколад, спросить ее, какого хрена она скрывала от меня свой развод. Но я ничего этого не говорю.

– Мы съехали с шоссе I-78. Дороги не так уж и плохи, но едем медленно. Наверно, приеду позже, чем думала сначала.

– Не плохи?

Судя по голосу, она мне не верит.

– Да, странно. Снега почти нет. Думаю, синоптики перебдели.

– Мира, я думаю, метель движется к вам. Тут у нас полный бардак, намело сантиметров тридцать.

– А у нас два-три от силы. Может, туча сдулась.

– Не думаю. Может, мне позвонить кому-нибудь из семьи, с которой ты едешь? Я бы хотела поговорить с родителями.

– Мам, все в порядке, – со смехом отвечаю я. – Не забывай, что я сама теперь тоже взрослая. Девятого августа мне исполнилось восемнадцать, помнишь? Родители очень осторожные, кстати. Ты бы одобрила.

Мне должно быть стыдно из-за лжи, но мы ведь обе врем. Как она могла не сказать мне про Дэниела? Думала, я начну истерить? Не захочу возвращаться домой? Или ей было так плохо, что не хотелось говорить? В первые дни после смерти Фиби она то и дело застывала над едой, пока хлопья не размякали, а яичница не превращалась в угли.

Она тихо всхлипывает, и я чувствую укол в груди. Мама стоит перед моим взглядом как наяву. Выцветшая сестринская форма с Микки-Маусом, рука прижата к горлу. Словно пытается сдержать панику.

– Ну а дома как дела? – ненавязчиво интересуюсь я.

– Дома все нормально. Я беспокоюсь о тебе.

Мама отказывается глотать наживку.

– Я уже сказала, у меня все хорошо. – Я морщусь, но продолжаю: – К ночи буду дома. А Дэниел на работе или мы будем ужинать вдвоем?

Мама задерживает дыхание и затем отвечает:

– Решим, когда ты вернешься. Когда будешь в безопасности.

– Мам, я знаю, что ты много думаешь про тетю Фиби. Я за тебя переживаю.

– Мира, мы обе думаем про Фиби. Но годовщину смерти тяжело переживать.

– Ладно, – говорю я, не понимая, к чему она клонит.

– Но прямо сейчас меня больше беспокоит твоя безопасность. – Голос ее прерывается. – Ты уверена, что можешь доверять этим людям?

– Абсолютно.

Ложь дается мне на удивление легко.

– Ладно. Я доверяю твоему здравому смыслу. Давай приезжай домой, и там уже поговорим. Следи за дорогой. Будь умницей. Смотри во все глаза, договорились?

– Я смотрю, – мягко отвечаю я.

Вот и все. Я не говорю ей, что знаю про Дэниела. Не говорю, что чувствую, как она расстроена. Говорю, что скоро приеду домой и что люблю ее, и это правда. Но правда спрятана в такой слой бессовестной лжи, что меня подташнивает.

Повесив трубку, я тут же набираю сообщение для Зари.

Я: Ты поговорила с мамой?

Зари: Ты где? Все хорошо?

Я: На трассе 78. Дороги в порядке, не понимаю, из-за чего вся эта паника.

А мама ВСЕ ЕЩЕ мне не рассказала.

Зари: Мама ничего мне не говорит, но что-то не так. По лицу вижу.

Я: Она что-нибудь сказала?

Зари: Говорит, что рада твоему возвращению. И все.

Я: Черт. Плохи дела.

Зари: Не знаю. Может, просто соскучилась по тебе. Через сколько ты приедешь?

Я: В обычный день ехать было бы шесть часов. А сейчас – понятия не имею. А еще эти люди очень странные.

Зари: Кто они?

Я: Двое парней и две девушки из какого-то блатного колледжа в Калифорнии.

Зари: Университет Калифорнии?

Я: Не, вроде Помона. Странные они все.

Зари: А парни ничего? Есть на что поглядеть?

Я: Недостаточно хороши, чтобы быть такими странными.

Зари: ХА-ХА! Ну ладно, будь осторожной. Я подумала, может, придешь ко мне после концерта? Ты ведь придешь на концерт, да, Мира?

Я: Конечно. Скоро увидимся.

Зари: Увидимся.

Я натягиваю шапку. Чтобы пережить этот кошмар, мне нужен кофеин. Я следую за вывеской к зоне кафетерия. Наверно, тут что-то с электропроводкой: единственный свет исходит от торговых автоматов. Подойдя ближе, я понимаю, что кафетерий – это громко сказано: из того немного, что я могу разглядеть, мне видны лишь несколько столов во тьме и четыре печальных автомата. Пожиться тут особо нечем.

Роясь в карманах в поисках мелочи, я подхожу к синему автомату с напитками. Разобравшись наконец с монетами и кнопками автомата, я наклоняюсь поднять бутылку из ячейки и сквозь отражение в пластиковой двери вижу что-то за моей спиной. Что-то у одного из столов.

Нет, не что-то.

Кого-то.

Пять

Я резко разворачиваюсь и в панике прижимаю руку к груди, спиной ударяясь об автомат. Кто-то сидит за столиком. Сгорбленный мужчина, скрытый тенями. Я с трудом разглядываю сношенные рабочие ботинки и широкие плечи под плотной фланелевой курткой. Рук его я не вижу, а лицо полностью скрыто под козырьком старой желтой бейсболки.

– Я вас не заметила, – запыхавшись, выдыхаю я.

Он не отвечает. Наверное, спит. Просто сидит тут в темноте: ни напитка на столе, ни еды. Я делаю вдох и чувствую запах дезинфицирующего средства. Такой сильный запах и до странного знакомый. По коже снова бегут мурашки. Все мое существо противится тому, чтобы поворачиваться к мужчине спиной, и поэтому бутылку я подбираю, согнувшись под странным углом.

Мои глаза привыкают к темноте, и я наконец вижу очертания его правой руки на столе. Кисть выглядит заскорузлой, узловатой... надеюсь, это игра теней... Я наклоняю голову. Нет, не показалось: все пальцы у него в шрамах. Может, ожог? Меня охватывает сочувствие – хотя, может, и зря. По его могучим плечам можно понять, что искалеченная рука не помешала ему работать. Он выглядит сильным.

Но... от чего-то в нем мне не по себе. Почему он сидит тут в темноте, молча, неподвижно? Может, заболел?

– Все хорошо? – негромко спрашиваю я.

Молчание. Тишину прерывает гудение автомата с газировкой: включилась система охлаждения. Я слышу тихий шорох ног по плитке. Кто-то выходит из туалета. Наверно, Харпер или Кайла. Я не отрываю взгляда от желтой бейсболки, под тенью которой прячется его лицо.

– Извините...

По-прежнему ничего. Какого хрена он не отвечает?

– Мира?

Я подпрыгиваю. Мой взгляд мечется по помещению, а рука опять хватается за шею. Джош. Он стоит в дверях, тяжело опираясь на костыли. Меня так поглотили размышления, что я его не услышала.

– Пойдем? – спрашивает он.

– А... ага. Извини.

Выходя из кафетерия, я бросаю на мужика в бейсболке последний взгляд из-за плеча. Двери здания только что захлопнулись за Харпер с Брекеном, так что, похоже, мы остались с Джошем вдвоем. Я спешу к дверям, распахиваю их настежь, и холодный ветер ударяет мне в лицо.

Снаружи снег валит сильнее. Он заползает мне под воротник и в рукава. Наклонив голову, я спешу к машине. Мои попутчики дрожат от холода и ругаются на погоду. У колес Брекен снова присел на корточки, но Харпер с Кайлой стоят, опершись на открытый багажник и заслонившись от ветра дверцей.

– Какой-то город-призрак, а не стоянка, – говорит Харпер.

Я открываю рот, собираясь рассказать им про мужчину в кафетерии, но потом вижу, что парковка совершенно опустела. Два грузовика, которые стояли тут раньше, пропали, оставив за собой только запах дизеля. Я оглядываюсь по сторонам. Даже следов от колес не осталось, если не считать наших собственных.

Кроме нас, здесь никого нет. А значит, я понятия не имею, откуда появился тот мужчина.

– Можем ехать, – говорит Брекен.

– Что, с цепями не получилось? – спрашивает Джош.

– Они все сломаны. Все четыре, представьте себе, – говорит Брекен, жестом показывая на лежащие в снегу цепи.

– Снега все равно мало, – рассеянно замечает Харпер, не отрываясь от телефона.

По ее серьезному лицу я понимаю, что ей не нравится то, что она читает.

– А откуда ты знаешь? – безразлично спрашивает Кайла.

Я наклоняюсь, обхватив плечи руками. Брекен поднимает одну из цепей и показывает на сплющенные, изогнутые звенья. По виду похоже, что кто-то поработал плоскогубцами. Неужели предыдущий водитель решил, что так они будут лучше держаться на шинах?

– Так они же не сломались, просто сплющены, – говорю я.

– Может, в прошлый раз кто-то их неправильно нацепил, – говорит Джош.

– Нет, – отвечает Брекен. – Похоже, их нарочно поломали. Это те самые звенья, которые цепляют к колесам.

Я коротко хмыкаю.

– Думаешь, кто-то нарочно сломал наши цепи? Под Рождество? По-моему, это слегка пахнет паранойей. Думаю, водитель просто попытался затянуть их и испортил.

– Да ладно? – спрашивает Джош. – Я не то чтобы эксперт, но вообще любой бы понял, что после такого цепями никто не сможет воспользоваться.

– Может, у кого-то не получалось их снять, – говорит Харпер. – Ну и взбесился...

– Логично. – Я киваю. – Наверно, просто потянули цепи с колес и не поняли, что погнули звенья.

– Может, и так, – отвечает Брекен, но в его голосе по-прежнему звучит сомнение.

Харпер смотрит на экран и сжимает челюсть. Она кидает телефон в сумку.

– Да какая разница. Мы и так уже потеряли кучу времени.

Мы в том же порядке загружаемся в машину, и я жалею, что здесь оказалась; жалею, что девчонка рядом со мной то и дело заваливается мне на плечо во сне. Или что мои оптимистичные прогнозы насчет погоды не сбылись. Однако ситуация стремительно меняется.

Когда мы возвращаемся на шоссе, снег уже не тает на дороге. Мы плетемся в потоке машин, и на дороге становится все более скользко. Прищурившись сквозь плотную пелену снега на лобовом стекле, Брекен медленно и уверенно ведет машину по узкой колее, оставшейся от едущих впереди машин. Он крепко держит руки на руле. Если представить, что руль – циферблат, ладони Брекена находятся на отметках в десять утра и два дня, как и полагается.

Он шумно выдыхает.

– Думаю, надо срезать на севере у Истона – и потом по магистрали до I-80. Похоже, мы едем прямо в бурю.

– Согласен, – говорит Джош. – Снегопад явно движется на юг.

– В прогнозе сказали, что метель вряд ли покроет большую территорию, – говорит Брекен.

– Я в этом не разбираюсь, – замечает Кайла. – Но разве в горах не опаснее?

– Только если идет снег, – с каменным лицом отвечаю я.

– Да, я тоже это слышала, – говорит Харпер.

Она черкает что-то в кожаном блокноте, а потом, задумчиво нахмурясь, захлопывает его.

– Наверно, в этом есть смысл. Уехать от всего подальше.

– I-80. Даже звучит как-то зловеще, – говорит Кайла.

Я склоняю голову набок.

– Ну, потому что это не шоссе, а смертельная ловушка, раскрашенная веселенькими желтыми линиями.

– И совсем не ловушка. – Брекен постукивает большими пальцами по рулю. – Конечно, от снега мы не убежим, но посмотрите по сторонам. Тут настоящая метель! Нужно выбраться отсюда, или мы так и будем месить снег до конца пути.

Харпер улыбается мне:

– Не переживай. Пока я рядом, ничего плохого с тобой не случится.

– Ты остановишь снегопад в горах? – спрашивает Кайла. – Ничего себе у тебя способности.

– В горах не будет снегопада, – говорит Джош.

Я трясую головой:

– В горах всегда идет снег.

– Даже если и пойдет, то I-80 сразу расчистят, верно? – говорит Джош. – По этой трассе постоянно ездят фуры.

– И тут они тоже ездят. – Я большим пальцем показываю на магистраль, по которой плетутся грузовики. – Но что-то снегоуборочных машин я не вижу.

– Это из-за ошибочного прогноза, – говорит Брекен. – Обычный косяк метеорологов. Они сказали, что в горах будет хуже, поэтому всю технику отправили туда. А эту дорогу, наверно, вообще закроют, хотя думали, что тут все будет в порядке. Попомните мои слова.

– Значит, на I-80 будет не протолкнуться от снегоуборочных машин, – говорит Джош. – Засыплют все солью гуще, чем снегом.

– Ну не знаю, – возражаю я. – Я ездила по I-80. Моя тетьа одно время жила в Филадельфии, и про эту трассу вечно говорили, что она полный отстой. То пробки, то аварии, то перекрывают полосы. Всегда что-то не слава богу, и это – в хорошую погоду!

– А плохой погоды и не будет, – говорит Брекен. – Просто успокойся и доверься нам. Или подожди, когда мы туда доберемся, и тогда я скажу тебе: «А вот я же говорил».

– Нет, не скажешь, – возражает Джош и хлопает меня по колену. Наверно, ему кажется, будто это дружелюбный жест. – Я правда считаю, что лучше нам поехать по I-80. Там безопаснее.

– Ну давайте, – со вздохом говорит Кайла. – Какая разница. Все лучше, чем бесконечно спорить.

Харпер опять что-то строчит на переднем сиденье. Она бормочет, соглашаясь.

– А я говорю, что это ужас, – произношу я. – По восьмидесятой и в хорошую погоду еле едешь.

– О господи, да ты не лучше моей мамы, – говорит Брекен, а потом обращается к Харпер: – А что, в Помоне девчонки тоже такие?

– Женщины, а не девчонки, – говорит Харпер. – Впрочем, уверена, что и твои одноклассницы тебя уже поправляли.

– А где ты учишься? – спрашивает Джош.

– Хожу на курсы в медицинский при Беркли, – натянуто отвечает Брекен, глядя на Джоша в зеркало заднего вида. – А сам где?

Мой мозг искрит, как закоротивший электропровод. В горле застыл истерический смех.

Они даже не знают друг друга.

– Карнеги Меллон, – отвечает Джош.

– Психология, так? – Харпер, повернувшись, подмигивает Джошу. – Значит, у нас есть доктор, психолог, будущая звезда международного бизнеса – это я про себя, – художница Мира и... А ты на кого учишься, Кайла?

– Ни на кого, – отмахивается она. – Я тут так... навещаю кое-кого.

Я наконец не выдерживаю и заливаюсь смехом. Пытаюсь остановиться, трясую головой.

– Что смешного? – спрашивает Харпер.

Джош с Кайлой тоже переводят на меня взгляд.

Я чувствую, как краснеют щеки. С чего я вообще решила, что они знакомы? Это же даже нелогично.

Я машу рукой.

– Ладно, это очень тупо, но я думала, что вы все друзья.

– Как мило, – говорит Брекен.

Может, это и не самый вежливый ответ, но его идеально белозубая улыбка в зеркале лучится дружелюбием.

Джош ничего не отвечает. Кайла, однако, пожимает плечами:

– Может, мы были знакомы в прошлой жизни или типа того.

– А что, звучит неплохо, – добавляет Харпер.

Она оборачивается и одаряет меня улыбкой.

– Может, это судьба нас свела.

– Может, судьбы вообще не существует, – говорит Джош.

– Ого, – удивляется Харпер. – Ну ты и пессимист.

Джош поднимает руку и выдавливает из себя смешок.

– Простите, день выдался так себе.

– День просто ужасный! – Мне становится его немного жаль. – А ведь ты еще и на костылях.

– Я сидел рядом с той плачущей женщиной в самолете. И колено болело до ужаса. И стюардесса не разрешила мне достать обезболивающее из сумки над головой.

Кайла смотрит на него с интересом.

– Я слышала! Она явно разозлилась. И что, ты достал их в итоге?

– Только после посадки.

– Не понимаю, как ты всех нас нашла, Харпер, – говорю я.

– Ага, – соглашается Кайла.

– Ты всегда подбираешь незнакомцев в аэропортах?

– Ну, не знаю, так получилось. Мы с Брекеном стояли рядом в очереди за машиной. С вами двумя мы познакомились на эскалаторе, а с Мирой мы подружились в самолете, правда, Мира?

Она смотрит на меня с такой искренностью. Словно я какая-то бедная сиротка, которую она не могла не подобрать. Я отвечаю вымученной улыбкой.

– А то.

– Вот видите! – Харпер смеется. – Это все совпадения. Пятеро незнакомцев встречаются на Рождество. Думаю, это может стать началом дружбы длиной в жизнь.

– Ага, – без энтузиазма отвечает Джош. – А кто-нибудь из нас видел указатель на I-80?

– Ах, ну да, – ворчу я. – Забыла, что два блестящих метеоролога решили, что нам надо направиться в горы в разгар метели.

– Эй! – обиженно говорит Джош, но потом сразу смеется. – Ладно, ладно, я понял.

Я поворачиваюсь и, не зная, флиртую я или злуюсь, парирую:

– Да? И что же, позволь спросить, ты понял?

– Ну, для начала, у тебя... горячий нрав. Я этого поначалу не заметил.

– А я заметила! – говорит Харпер и подмигивает мне. – Я много чего заметила.

– Ну, у меня тоже есть нрав, – говорит Брекен. – Вот увидите.

– Что ты делаешь?

– Сворачиваю на I-80. Все это какой-то цирк с конями. Мне надоело.

– Но мы же еще не договорились, – произносит Харпер, глядя на меня. – Я хочу, чтобы мы учитывали все мнения.

– Тебе решать, – говорю я. – Это ты арендовала машину.

– Я помог за нее заплатить, – говорит Брекен. – Так что у нас тут демократия.

– А я говорю, давайте уже поедem по какому угодно шоссе и перестанем это обсуждать, – хнычет Кайла.

В зеркале я вижу, как Брекен ухмыляется.

– Ну что же, у нас кворум.

– Получается, трое против двоих, так? – мягко спрашивает Джош.

Я поворачиваюсь, и с его лица исчезает резкое выражение.

– Кайла не против, и мы с Брекеном за.

Харпер проверяет телефон. Она бледнеет и заносит пальцы над экраном. Но затем трясет головой и убирает телефон в сумку. Вид у нее такой же потрясенный, какой был у меня в тетиной палате прошлым Рождеством. Что-то происходит у Харпер дома. Что-то плохое.

Я наклоняюсь вперед, чтобы лучше ее разглядеть. На груди ее блузки алеет ряд кровавых капель: три идеально круглых зловещих пятна. Я осторожно касаюсь ее руки, и она, вздрогнув, поднимает взгляд.

– Харпер? – тихо спрашиваю я. – Все в порядке?

– Черт, – выдыхает Брекен, замедляя ход.

Мы проезжаем мимо нескольких машин, съехавших в канаву. На вид ничего ужасного: это не масштабная авария из двадцати автомобилей. Однако это еще одно доказательство: на этой дороге небезопасно.

– Так мы никогда не доберемся домой, – тихо вздыхает Джош.

Похоже, его слова задевают Харпер. Она поворачивается к Брекену:

– Сколько до Истона?

– Пять-шесть километров на север от нашего маршрута.

– И ты правда думаешь, что мы доберемся домой?

– Да. – Голос его звучит до странного ласково. – Мы довезем тебя домой. Я уверен.

– Тогда нет смысла оставаться на этой дороге. Надо попробовать I-80.

– Харпер согласна, – дружелюбно говорит Джош. – Ну что же, Мира. Теперь ты не против?

Я не отвечаю: и голосование, и замедленный ход машин напоминают мне, что погода портится. Это больше не веселая поездка с компанией студентов. Это метель в Пенсильвании, и я окружена незнакомцами. Нам нужно соблюдать осторожность.

Я бросаю взгляд в окно. Легко забыть, что такое зимы в Пенсильвании. Замедлить ваш ход – это самое безобидное, что могут сделать местные дороги. А нам ехать еще несколько сот километров.

Шесть

Зари: Ну, как там?

Я: Как ехать на пассажирском кресле у Сатаны по девятому кругу ада.

Зари: Настолько хорошо?

Я: Лучше не бывает.

Зари: Вот ведь хрень.

Я: Ничего, справлюсь. Главное – добраться домой. Я нужна маме.

Зари: Ты всем нам нужна.

Я замираю. У меня всегда что-то сжимается в груди, когда Зари начинает подобные разговоры. Вот что значит уезжать за тридевять земель: тебя нет рядом, когда происходит что-то важное. Тебя нет рядом, чтобы оценить новый наряд, или обсудить, флирт это был или дружеский разговор, или утешить подругу после ужасного расставания. Ваша дружба медленно и странно угасает, и после полутора лет, проведенных в компании неблизких приятелей из художки, я скучаю по Зари. Я скучаю по наличию лучшей подруги.

От разговора у меня болит живот – а может, это все наша поездка. Брекен чаще Харпер перестраивается в соседние ряды, и меня от этого начинает тошнить. Нужно ответить Зари, пока я еще могу смотреть на экран.

Я: Мне нужно идти. Скоро приеду.

Я убираю телефон в карман. За окном медленно проплывает заснеженная дорога.

Я бы могла ее нарисовать. Мне даже хочется ее нарисовать: серо-синие тени, мерцающий свет фар на серебряном снегу. А на чем мне сфокусировать картину? О, ну это совсем легко: выбирай любую машину в канаве. Мигание аварийных сигналов и водитель, замерзший и уставший дожидаться подмоги.

Должна сказать, что Брекен отлично водит: спокойно, уверенно. Пару раз машину слегка заносит, но сосредоточенность Брекена и, как кажется, безупречная система противоскольжения нашей машины не дают нам завалиться в канаву. Если учесть, сколько мы уже видели аварий, то, думаю, нам очень везет.

Не знаю... Может, они и правы насчет метели. Тут, похоже, дела плохи. Но разве в горах хоть когда-то бывает лучше? Дэниел раньше то и дело мне твердил, что, если в Пенсильвании плохая погода, надо держаться как можно дальше от I-80.

С другой стороны, еще он говорил, что никогда не оставит нас с мамой. Так что как знать, как знать...

Когда мы съезжаем с шоссе, дорога становится намного хуже. Липкая слякоть брызжет из-под колес, и дворники снова спотыкаются о ледяную корку на стекле. Брекен едет через город по направлению к I-80, и на каждом светофоре у меня в животе что-то неприятно перекачивается. Меня вот-вот укачает.

На перекрестке впереди загорается желтый, и машина перед нами резко тормозит. Ее заносит. Брекен тихо матерится и тоже ударяет по тормозам; Харпер тонко вскрикивает. Противоблокировочные тормоза, содрогаясь, быстро стучат в такт моему сердцу. Сквозь лобовое стекло я вижу бок красного, в соляных подтеках минивэна. Там внутри могут быть дети. Вдруг они наблюдают, как мы на них надвигаемся? Не знаю, успеем ли мы вовремя остановиться. Я сжимаю кулаки, и внутри у меня все тоже сжимается. Машина скользит все медленнее, медленнее и наконец останавливается в паре сантиметров от минивэна. Я прерывисто выдыхаю.

– Блин, сколько можно-то уже? – беспокойно спрашивает Кайла.

Она елозит на сиденье, и лоб у нее блестит от пота.

Понятия не имею, что на нее нашло: мне сейчас совсем не до нее.

С другой стороны от меня Джош, морщась, тянет за край своей скобы. Все эти резкие старты и остановки вряд ли на пользу его ноге.

– Можно как-то помочь? – спрашиваю я его. – Ну, твоей ноге?

– Да, если достать мне новую связку, – хмыкает он, отрываясь от книги. – Особо тут ничего не сделаешь. Впрочем, у тебя много неожиданных талантов. Может, ты, вдобавок к знаниям о дорожных условиях в Филадельфии, еще и прикосновением рук умеешь лечить?

Мои щеки горят огнем. Я опускаю глаза, и Джош мягко смеется.

– Прости, – говорю я. – Я нервничаю. Наверно, лучше мне заткнуться.

– Знаешь, можно ведь просто признать, что ты была неправа.

– Правительство рекомендует не ехать по I-78, если только в крайних случаях, – говорит Харпер, подсвеченная синим экраном телефона.

– Хм, похоже, мы правильно сделали, что сменили маршрут, – говорит Брекен и подмигивает мне в зеркало заднего вида.

Не знаю, чего во мне больше – стыда или злости. Однако мне хочется показать средний палец всем попутчикам одновременно.

– А тебе всегда так неловко, когда ты ошибаешься? – спрашивает Джош.

Я бросаю на него резкий взгляд, но в его лице не видно ни капли насмешки. И жалости тоже. Он смотрит на меня так, будто я сложная задачка по математике.

Да, что-то меня совсем кроет. Никак он на меня не смотрит, и у меня нет никаких причин злиться на ребят. Я расстроена, что мама проведет ночь в одиночестве. Я расстроена, что не полетела более ранним рейсом. Господи, да что там! Меня огорчает и то, что я уехала на другой конец страны, хотя Фиби умоляла меня не бросать учебу и мама была с ней согласна.

Но никто меня не предупредил, что, если я вернусь в Сан-Диего, мама останется одна в годовщину смерти сестры, да еще и разведенная.

Нет, не сестры. Фиби.

Сестра – это такое безличное слово. Шесть букв, два слога, ни запаха благовоний и масляных красок, ни вкуса имбирного печенья. Ни темных волос, наспех собранных в пучок у шеи. Сестрой может быть кто угодно. Но никто на свете не сможет быть Фиби. Я прижимаю руку к груди, где распускается бутон новой боли. Господи, если мне так горестно, то через что же проходит мама?

Завращались колеса; Брекен отъехал от очередного светофора. Я вернулась в реальность.

– Мы разобьемся, не доехав до магистрали, – говорит Харпер, когда шины наконец цепляются за землю.

– Все будет в порядке, – говорит Брекен.

– Ничего не в порядке. Что у нас в порядке?! – В ее голос прокрадываются отчаянные, истеричные нотки.

Думаю, дело в сообщениях у нее на телефоне. Что-то не так.

– Эй, – мягко произносит Брекен.

Он обращается к одной Харпер. Я вижу, как шевелится его плечо; может, он касается ее ладони.

– У нас все будет в порядке. Все хорошо.

– Все идет не по плану, – говорит она с тихой паникой в голосе. – Мне нельзя попадать в аварию. Ты знаешь, что мне надо добраться до дома.

– Да, я знаю, – говорит Брекен, остановив машину на следующем светофоре.

Теперь он точно ее касается: пальцы скользят по белой ткани на плече.

– Мы не попадем в аварию, ага?

Наступает долгая тяжелая пауза. Мне становится неловко, словно я подглядываю. Я бросаю взгляд на Джоша: он тоже за ними наблюдает. Джош тут же отводит глаза: видимо, решил

посмотреть на мою реакцию. Я собираюсь уже торжествующе улыбнуться, но он вместо этого утыкается в книгу. Этому парню явно нужно перестать относиться к себе с такой серьезностью.

– Тебе лучше? – ласково спрашивает Брекен.

Я не смотрю на них, но мне все равно слышно тихий шорох пальцев по ткани. Мягкий скрежет дворников. Приглушенное посапывание Кайлы. Что, опять? Почему она столько спит? Это что, какая-то болезнь?

– Нормально, – шепчет Харпер.

Не зная, чем еще заняться, я утыкаюсь в телефон. Батарея почти на нуле, а пауэрбанк я истратила, пока дожидалась рейса в Сан-Диего. Где-то в багаже у меня была зарядка, но маме звонить все равно нет смысла. Я не собираюсь с ней говорить в присутствии всех этих людей, потому что в итоге я спрошу у нее про Дэниела или буду вынуждена в присутствии посторонних ее успокаивать. Придется со звонком подождать.

Я выключаю телефон и пытаюсь отрегулировать ремень безопасности: он довольно больно врезается мне в живот. Когда на дороге начинают появляться указатели на шоссе 33, я облегченно опускаю плечи. На проселочных дорогах желудок у меня то и дело сводило тошнотой, и я рада, что мы скоро снова попадем на широкую трассу.

Даже если она ведет в горы.

На съезде участок расчистили так, что лучше участка я не видела за весь наш маршрут. Когда мы заезжаем на магистраль, обстановка становится еще отрадней: перед нами расстилаются широкие серые ленты асфальта, лишь слегка припорошенные конфетти снега.

Да, дорожные службы постарались на славу: идет снег, но снегоочистители с ним справляются.

Брекен с громким вздохом откидывается на спинку кресла.

– Вот видишь? Уже не так плохо.

Я устраиваюсь поудобнее, стараясь избавиться от неприятного чувства, что не отпускает меня с самого утра. Может, мне просто нужно успокоиться? Все не так уж плохо. Скоро я попаду домой, и все это странное путешествие превратится в воспоминание.

Я стараюсь не обращать внимания на то, как Джош все водит и водит пальцем по странице. Как Харпер бесконечно что-то строчит в блокноте. Как Кайла вздрагивает и трясется у меня под боком: лоб блестит от пота и круги под глазами до странного похожи на синяки. И Брекен: все смотрит и смотрит на нас. То и дело переводит взгляд с дороги на кого-нибудь из попутчиков.

Смех да и только. Нет тут ничего зловещего или ненормального. Мне не о чем беспокоиться. Однако я беспокоюсь.

К моему облегчению, несколько километров ровной дороги успокаивают бурю у меня в животе. Впереди высятся горы: резкие серые тени под пеленой снега. Однако они так далеко, что я не чувствую никакой исходящей от них угрозы. Снега на дороге становится немного больше, но все в порядке. Брекен едет медленнее. Другие машины не съезжают со своих полос. Совсем непохоже на тот кошмар из кружащихся автомобилей на I-78.

Я жду пятнадцать минут, потом двадцать. Ничто не меняется. Все в порядке.

До поры до времени.

Я не замечаю, как заснула, пока не просыпаюсь от ощущения, что нас заносит. Я открываю глаза в тот момент, когда колеса сцепляются с дорогой. Выпрямляюсь и оглядываюсь. Горы, еще недавно казавшиеся далекими тенями, подступили со всех сторон: мрачные гиганты в мантиях снежного тумана.

Наверно, я спала дольше, чем мне показалось.

– Где мы? – хрипло спрашиваю я.

– На I-80, – отвечает Харпер.

У нее в руках нет ни телефона, ни блокнота; взгляд прикован к дороге. От напряжения в воздухе мне становится трудно дышать.

– Только что проехали Олд-Фернас-роуд, – сдавленно поясняет Джош.

Он тоже смотрит прямо перед собой.

Машину снова ведет в сторону, и я резко втягиваю воздух, оглядываясь по сторонам.

Кайла шмыгает носом; глаза у нее влажные, точно она только что плакала.

– Что с тобой? – спрашиваю я.

Она с явным раздражением смотрит на меня и снова всхлипывает.

– Ничего, все в порядке.

Она не плачет... во всяком случае, не так, как плачут от горя. Может, она простужена? Может, я этого раньше почему-то не заметила?

– Точно все хорошо? – переспрашиваю я.

– Я же сказала.

Она резко откидывает бледную прядь за плечо.

Я стараюсь не смотреть слишком пристально, но все равно замечаю, как трясутся у нее руки. Словно от какой-то болезни – или от высокой температуры.

– Смотрите, на той стороне, – говорит Харпер испуганно.

Все смотрят в окно.

– Да, вижу. – Брекен сжимает руль так, что у него белеют костяшки пальцев.

Что они видят? Что, черт возьми, произошло, пока я спала?

Я смотрю на дорогу, но снег сыплет так густо, что я едва могу что-то разглядеть. Мы заехали в метель. Вот это я знаю точно.

– Они не справляются с управлением, – тихо замечает Джош.

Наконец я вижу: бешено петляя, к нам приближаются два огонька фар. Они крутятся так сильно, что на какое-то время один из них совсем пропадает из виду. Потом исчезают оба. А вот задние огни: машина останавливается, развернувшись не в ту сторону. Меня тошнит.

– А я думала, на этой дороге будет лучше, – говорю я и сразу об этом жалею.

– Вот давай сейчас не надо, а? – очень тихо говорит Джош.

– Да, прости, – тут же извиняюсь я, потому что он прав.

Не могу представить, каково сейчас Брекену. Со своего места мне видны только две узкие колеи в море белизны. Меняется наклон дороги; машина переходит на другую скорость, и мы начинаем медленный ход вверх.

– Не нравится мне это, – говорит Брекен.

– А кому нравится? – с безумным смешком отзывается Кайла.

– Кто-нибудь, посмотрите по картам, что с дорогами под горой, – говорит Брекен.

Харпер нажимает что-то на экране.

– Я пытаюсь. Интернет очень медленный.

– Пытайся еще.

Харпер резко разворачивается к нему лицом.

– Хватит мне указывать! Я тебе не секретарша.

Джош, сжав челюсть, раздраженно сопит.

– Давайте я попробую, – говорю я и включаю телефон.

Машина снова меняет передачу; подъем становится круче. У меня ноет лоб. От одного взгляда на телефон мой живот скручивает в узел.

– Ну что? – спрашивает Джош.

Он нахмурился:

– Что не так?

– Живот, – отвечаю я. – Меня немного укачивает. Наверно, лучше мне не смотреть в телефон.

Он кивает и, забрав у меня трубку, набирает что-то на клавиатуре.

– Не переживайте, – говорит Харпер. – Думаю, мы доехали до вершины.

Она права: дорога перестала бежать вверх. Снова меняется передача, и шины скользят. Мой живот схватывают спазмы. Я медленно дышу. Это просто нервы. Мне просто нужно отдышаться.

– Сколько у меня времени до спуска? – спрашивает Брекен.

– Пара километров, – отвечает подсвеченный моим телефоном Джош. – Там предупреждение об аварии.

– Я тоже его вижу, – подтверждает Харпер, оторвавшись от своего экрана.

Она поворачивается на сиденье.

– Брекен, там совсем все плохо. Куча машин.

– Где? – спрашиваю я.

Джек протягивает мне телефон и тычет в место на карте. Но тошнота и паника мешают мне сосредоточиться. Я убираю телефон в карман.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.